

ТЫ ГОВОРИШЬ,
ЧТО УМРЕШЬ ЗА МЕНЯ.
ПОРА ПРОВЕРИТЬ
ТВОИ СЛОВА...

ТЫ УМРЕШЬ ЗА МЕНЯ ЛЮБИШЬ

NETFLIX

A NETFLIX SERIES

КЭРОЛАЙН КЕПНЕС

Кэролайн Кепнес
Ты меня любишь
Серия «Ты», книга 3
Серия «Убийство по любви»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67133099

Ты меня любишь: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-164860-2

Аннотация

История о романтичном серийном убийце в поисках настоящей любви, легшая в основу сериала «ТЫ» от Netflix.

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES.

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ 2021 ГОДА ПО ВЕРСИИ MARIE CLAIRE.

Убийца-романтик Джо Голдберг покончил с большими городами. Покончил с их мерзкими жителями, с интригами... и с девушкой, которую любил. Теперь он сливается с природой на уютном острове неподалеку от Сиэтла. Впервые за долгое время Джо может просто дышать.

Он устраивается на работу в местную библиотеку... и там встречает ее: Мэри Кей Димарко. Без нее Джо нет жизни. Он станет для нее незаменимым, подставив плечо, на котором можно поплакать, протянув руку помощи. Со временем оба они исцелят

свои душевные раны и будут жить долго и счастливо в этом сонном городке...

Проблема в том, что у Мэри Кей уже есть жизнь. Она мать. Она друг. Она... занята.

Значит, надо ее освободить...

Блестящее продолжение мирового бестселлера «Ты» и «Новая ты». Сплав «Над пропастью во ржи» с «Американским психопатом», «Исчезнувшей» и «Мизери». Язык повествования настолько силен и достоверен, что кажется, будто главный герой сам написал эти книги. Компания Netflix экранизировала трилогию в одноименном сериале.

«Совершенно уникальный персонаж... и совершенно уникальный автор». – Ричард Осман

«Дьявольски, динамично и очень забавно». – Пола Хокинс

«Кэролайн Кепнес – бесподобный автор, заставляющий меня смеяться, снова возвращаться к только что прочитанной странице. Слава богам чтения, что Джо Голдберг вернулся и что он все такой же соблазнительный, опасный и остроумный, как всегда». – Джессика Кнолл

«Гипнотически и ПУГАЮЩЕ. Никогда не читал ничего подобного». – Стивен Кинг о романе «Ты»

«Фантастически пугающий триллер... Он из тех книг, ради которых ты приостанавливаешь свою жизнь». – Glamour

«Умно и пронзительно». – Elle

«Блестящая история... В ней „Исчезнувшая“ сплетается со зловещей версией „Девчонок“». – Marie Claire

Содержание

1	6
2	34
3	47
4	68
5	86
6	93
7	100
8	111
9	123
10	137
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Кэролайн Кепнес

Ты меня любишь

Caroline Kepnes
You Love Me

Copyright © 2020 by Caroline Kepnes

© Тора С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается моей маме

1

Я уверен, что разговаривал по телефону именно с тобой. И голос у тебя был такой мягкий и обволакивающий, что, едва повесив трубку, я пошел и купил себе кашемировый свитер. Теплый. Внушающий доверие. Ты позвонила мне три дня назад и сообщила: мол, я принят на работу в публичную библиотеку Бейнбриджа. Предполагалось, что звонок будет коротким. Формальным. Ты – Мэри Кей Димарко, руководитель филиала. Я – Джо Голдберг, волонтер. Но между нами возникло притяжение. Пробежала искра. Мы обменялись парой шуток. Твой тембр проник мне под кожу, и я уже собрался загуглить тебя, но передумал. Женщины сразу чувствуют, когда парень знает о них слишком много, а мне хотелось произвести на тебя впечатление при встрече. И вот я на месте, даже раньше времени, и вот ты (это ведь ты?) – привлекательная, обслуживаешь посетителя, местного старпера, от которого несет нафталином и выпивкой; ты сексуальна, но не вульгарна: в короткой юбке, но в непрозрачных черных колготках, скрывающих столько же, сколько выставляли напоказ окна без занавесок в квартире Бек (упокой Господь ее душу). Ты повышаешь голос, настаивая, чтобы «нафталин» попробовал Харуки Мураками, – и у меня улечиваются последние сомнения. Это ты говорила со мной по телефону, и, черт возьми, Мэри Кей...

Неужели ты моя судьба?

Знаю, знаю. Ты не вещь, бла-бла-бла. Возможно, я слишком забегаю вперед. Мы почти незнакомы, и я недавно прошел через ад. Меня несколько месяцев держали в тюрьме. Я потерял сына. Потерял мать своего сына. Сам чудом выжил. И я хочу поговорить с тобой немедленно – прямо сейчас! – но беру себя в руки и отхожу. Твоя фотография висит на стене в холле – еще одно, окончательное подтверждение. Ты Мэри Кей Димарко, библиотекарь с шестнадцатилетним стажем. Чувствую себя новичком. Недостойным внимания. Но затем ты покашливаешь – не такой уж недостойный, да? – и я оборачиваюсь; ты показываешь мне два пальца – знак мира – и улыбаешься. Надо подождать еще пару минут. Я улыбаюсь в ответ. Можешь не торопиться.

Знаю, ты думаешь: «Какой милый, терпеливый парень!» – и впервые за последние месяцы меня не захлестывает раздражение, когда приходится строить из себя паиньку. Видишь ли, у меня больше нет выбора. Я теперь всегда и для всех должен быть «хорошим парнем». Это единственный способ вновь не угодить в жернова американской системы кривосудия. Ты-то наверняка ни разу с ней не сталкивалась. Если б не их любовь к легким деньгам, боюсь подумать, что бы со мной сейчас было. А так я разыграл свою карту «Бесплатное освобождение из тюрьмы» в этой насквозь прогнившей «Монополии» (благодарю, богатенькие Квинны!), но – увы – оказался слишком легковверным (будьте вы прокляты,

богатенькие Квинны!) и теперь готов ждать тебя целый день. Потому что если хоть одна живая душа в этой библиотеке воспримет меня как угрозу... Ну уж нет, я рисковать не хочу.

Я строю из себя скромнягу – даже телефон не достаю – и с наслаждением наблюдаю, как ты почесываешь ногу. Ты знала, что сегодня мы встретимся, и надела эту юбку для меня? Возможно. Ты взрослее и смелее меня, как старшеклассница по сравнению с прыщавым подростком. Я так и вижу тебя в девяностых – дерзкую и чувственную, словно сошедшую с обложки молодежного журнала. Ни капли не меняясь, ты шагала сквозь пространство и время, ожидая, но все никак не дожидаясь появления хорошего человека. И пришла ко мне. Наше время настало. «Нафталин» листает Мураками, и ты смотришь на меня с гордостью: «Видал, как я его?» И я киваю.

Да, Мэри Кей. Я все вижу.

Ты – Мать Книги, строгая, как робот в костюме французской горничной – юбка, правда, коротковата, – и ты стискиваешь локти, пока «нафталин» переворачивает страницы, словно работаешь за комиссионные, словно тебе нужно, чтобы он непременно взял именно этот роман. Тебе небезразличны книги, и я, как никто другой, тебя понимаю – вплоть до побелевших костяшек пальцев. Но даже тут ты лучше меня, ведь твой интерес совершенно бескорыстен: старикану в конце не придется вытаскивать кредитку. Все-таки надежда у Америки еще есть. Взять хотя бы гребаную десятичную си-

стему классификации книг Дьюи. Уж на что был токсичный тип, но посмотрите, что он сделал для этой страны!

«Нафталин» похлопывает взятого Мураками по обложке.
– Хорошо, куколка, жди отзыва.

Ты улыбаешься – тебе нравится, когда тебя называют «куклой» – и тут же вздрагиваешь: чувствуешь себя виноватой из-за того, что не возмутилась. Ты и кукла, и хозяйка. Ты любишь книги. Умеешь мыслить. Видишь обе стороны. Ты посылаешь мне еще один знак мира – просьбу подождать – и немного красуешься передо мной. Говоришь молодой мамочке, что у нее очень милый малыш (на самом деле нет). Тебя все обожают, так ведь? Хотя с твоим небрежным пучком, который так и норовит превратиться в хвостик, и модным бунтом против обычных библиотечарских немарких рубашек и мешковатых брюк стоило бы ждать совсем другой реакции – скажем так, не столь благосклонной. Ты то и дело говоришь «ага», и я почти уверен, что ты просто создана для меня, как если бы «мудрую» Дайан Китон скрестили с «сумасшедшей» Дайан Китон¹. Я поправляю штаны – полегче, Джозеф! – мне пришлось пожертвовать библиотеке сотню тысяч баксов, чтобы повернуть эту штуку с волонтерством. И если ты спросишь у властей Калифорнии, или девушки, которая варит кофе в местной забегаловке, или у соседа, чья собака сегодня утром опять нагадила на моем газоне, – все

¹ Дайан Китон (наст. Дайан Холл, р. 1946) – американская киноактриса, кинорежиссер и продюсер.

они скажут одно и то же.

Я хороший парень.

Это юридический факт. Я не убивал Джиневру Бек (упокой Господь ее душу) и Пич Сэлинджер (пусть земля ей будет пухом). Я усвоил урок. Теперь, когда люди пробуждают во мне темную сторону, я убегаю. Бек тоже могла бы сбежать – я не годился для нее, а она не созрела для настоящей любви, – но она осталась, как самая нелепая, плохо прописанная, лезущая в самое пекло героиня второсортных фильмов ужасов. И я, откровенно говоря, был не лучше. Мне стоило бы разорвать с ней связь в тот же день, как я встретил Пич. И Лав следовало бросить сразу после знакомства с ее братцем-социопатом.

В библиотеку влетает девочка-подросток, с разгону насканькивает на меня и вталкивает обратно в настоящее, даже не извиняясь. Она стремительна, как сурикат.

– Только не «Колумбайн»², Номи. Без шуток! – рывкаешь ты.

Ага, значит, Суриката – твоя дочь. У нее нелепые маленькие очки – готов спорить, она носит их назло тебе. Она дерзкая и больше похожа на непослушного ребенка, чем на угрюмого подростка. Не моргнув глазом, Номи вытаскивает из своего рюкзака громоздкий экземпляр «Колумбайна» и по-

² «Колумбайн» – книга Д. Каллена, в которой рассказывается об одной из самых страшных трагедий в истории США, когда 20 апреля 1999 г. два подростка совершили вооруженное нападение на школу «Колумбайн».

казывает тебе средний палец. Ты отвечаешь ей тем же. Веселая у вас семейка. Интересно, есть ли у тебя на пальце кольцо.

Нет, Мэри Кей. Кольца нет.

Ты кладешь руку на увесистый том, оставленный на стойке; Суриката выскакивает на улицу так же стремительно, как и ворвалась сюда. Ты следуешь за ней. Незапланированный антракт. Чтобы скоротать время, я вспоминаю, что ты успела рассказать мне в ходе нашего судьбоносного телефонного разговора.

Твоя мать распространяла косметику «Мэри Кей», причем делала это истово и беспощадно. Все твоё детство прошло в чужих гостиных Финикса под бесконечно повторяющийся рекламный рефрен: ты играла с куклами Барби и слушала, как мать вновь и вновь увещевает несчастных жен купить губную помаду, чтобы вернуть в семью загулявших мужей. Как будто помада может спасти брак. Твоя мать неплохо справлялась, водила розовый «Кадиллак», но потом родители развелись. Вы с матерью переехали в Бейнбридж, и она круто поменяла свою жизнь: вместо косметики стала продавать одежду и снаряжение для активного отдыха на природе. Ты сказала, что она скончалась три года назад, затем глубоко вздохнула и добавила: «Что-то я слишком много болтаю».

Но я так не считал, и, к счастью, ты сообщила кое-что еще: твоё любимое место на острове – парк Форт-Уорд. Потом ты призналась, что обожаешь бункеры, и упомянула граффити.

Бог убивает всех. Я сказал, что так и есть. Ты спросила, откуда я. Я честно ответил, что вырос в Нью-Йорке, и тебе это понравилось, а потом признался, что отмотал срок в Лос-Анджелесе, но ты не поверила, решив, что я шучу. И кто я такой, чтобы разубеждать тебя?

Дверь открывается, и ты снова возникаешь передо мной. Во плоти и в юбке. Не знаю, что ты сказала своей Сурикате, но та, явно разозлившись, хватается стул и разворачивает его к стене. А ты наконец подходишь ко мне, теплая и мягкая, как мой новый кашемировый свитер.

– Прошу прощения за сцену, – говоришь ты, будто сожалея, что мне пришлось стать зрителем вашей семейной драмы. – Джо, так ведь? Мы, кажется, говорили по телефону.

Тебе не кажется. Ты знаешь. Ага. Но как ты могла предугадать, что тебе захочется сорвать с меня одежду при первой же встрече? Ты жмешь мою руку. Я прикасаюсь к твоей коже, вдыхаю тебя – ты пахнешь Флоридой. И я чувствую, как ко мне возвращается сила.

Ты смотришь на меня в упор.

– Может, уже отпустите меня?

Я поспешно разжимаю ладонь.

– Простите.

– Нет, это вы простите, – говоришь и наклоняешься ближе, как в фильме «Близость». – Я съела апельсин на улице, и пальцы у меня немного липкие.

Я нюхаю ладонь и тоже придвигаюсь к тебе.

– А пахнет мандарином.

Ты смеешься над моей шуткой и шепчешь:

– Только никому!

И вот мы уже с тобой вдвоем против всех. Я спрашиваю, дочитала ли ты Лизу Таддео – ведь я хороший парень, а хорошие парни всегда помнят чушь, которую девушка несла по телефону. Ты киваешь и говоришь, что тебе понравилось. Я тактично спрашиваю, можно ли задать вопрос о твоей дочери и ее книге. Ты краснеешь.

– Ага. Ну, как видите... Она немного одержима Диланом Клиболдом.

– Одним из школьных стрелков?

– Не совсем. Понимаете, дочь уверяет, что он – гениальный поэт, и хочет написать о нем эссе для поступления в колледж...

– Не самая удачная идея.

– Кто спорит? Я сказала ей то же самое, но она обозвала меня «лицемеркой»: в ее возрасте я выбрала для эссе бунтарку Энн Петри вместо безопасной Джейн Остин, ну и нажила проблем.

Ого, я так тебе понравился, что ты напропалую сыплешь именами!

– Не могу вспомнить... – продолжаешь ты (ну да, так я и поверил!) – У вас есть дети?

Стивену Кингу не нужно убивать людей, чтобы живописать смерть, и мне необязательно иметь детей, чтобы понять,

каково быть родителем. И к тому же чисто технически у меня есть ребенок, просто он не рядом, и я не могу таскать его по местным скалам, как все эти полоумные папаши в камуфляже. Я качаю головой и замечаю, как загораются твои глаза. Ты надеешься, что я свободен, и хочешь сближения. Поэтому я возвращаюсь к теме, которая нас объединяет, – к книгам.

– Кстати, я обожаю Энн Петри. Ее «Улица» – просто шедевр.

Я надеялся поразить тебя своей начитанностью, но трюк не удался: эта книга достаточно известная, а ты – лиса. Осторожная и сдержанная. Поэтому я поднимаю ставки и сетую, что так мало читают ее замечательный роман «Узлы». На этот раз ты улыбаешься (отличный ход, Джо!), однако мы не одни, и ты кладешь руки на клавиатуру. Смотришь на экран и хмуришься (хвала небесам, в твоём лице ни капли ботокса).

– Хм...

Похоже, что-то смущает тебя в моей анкете.

Спокойно, Джо. Помни, ты «оправдан и невиновен».

– Я уже уволен?

– Пока нет, но тут нестыковка...

Ты не можешь знать о деньгах, которые я пожертвовал библиотеке, потому что главным условием была анонимность, и дама в совете поклялась, что избавит меня от такой мелочи, как проверка биографии. А вдруг она солгала?

Или ты наткнулась на блог доктора Ники с его идиотскими конспирологическими теориями? Или дамочка поняла, что я тот самый Джо Голдберг? Услышала обо мне в подкасте одной истерички, одержимой убийствами?

Ты показываешь мне экран: нестыковка – в моем списке любимых авторов. Я выдыхаю.

– Что-то не вижу здесь Дебби Макомбер, мистер Голдберг.

Я заливаюсь краской. На днях по телефону я упомянул, что решил переехать на северо-западное побережье после прочтения ее «Кедровой бухты». Ты тогда рассмеялась и не без сарказма спросила: «Правда?» Я позиции не сдал, но в контратаку не пошел. Я же не диктатор. Не стал настаивать, чтобы ты непременно прочитала одну из ее книг, – просто сказал, что Дебби помогла мне и что история о добродетельной и справедливой судье Оливии Локхарт и ее парне-газетчике Джеке вернула мне веру в этот мир. Ты ответила, что будешь иметь в виду (обычная отговорка, когда кто-то рекомендует книгу или сериал), но теперь, упоминая об авторе, которого я похвалил, ты подмигиваешь мне.

Да, черт побери, ты мне подмигиваешь! У тебя золоти-сто-рыжие, словно огонь, волосы.

– Не дрейфь, Джо. Я съем говядину, а ты ешь брокколи. Никто ничего не узнает.

– По рукам, – говорю я, узнав цитату из сериала. – Похоже, кто-то все же побывал в Кедровой бухте.

Кончики твоих пальцев ударяют по клавиатуре. Клавиа-

тура – это мое сердце.

– Я же обещала...

Сразу видно: женщина слова.

– Ты был прав...

Бинго!

– Это прекрасное противоядие от «того ада, что творится в нашем мире»...

О да, малышка, ты уже меня цитируешь.

– Все эти велосипеды и борьба за справедливость как-то успокаивают, – говоришь ты и пускаешься в рассуждения о плюсах и минусах эскапизма (я первым упомянул этот термин в нашем разговоре, и ты подхватила его вслед за мной).

Ты сексуальна и уверена в себе, а я уже успел забыть, что такое испытывать влечение.

– Отлично, – откликаюсь я. – Может, организуем фан-клуб?

– Ага... Но сначала скажи, что же произошло.

Вы, женщины, всегда хотите знать о прошлом, только ведь прошлое осталось позади. Прошло. Его больше нет. Я не могу признаться тебе в том, что эта книга помогла мне пережить тюремное заключение, стала лечебным бальзамом, который исцелил душевные раны от несправедливого ареста. Тебе ни к чему знать эти неприглядные подробности. У всех нас бывают периоды, когда мы чувствуем себя загнанными в ловушку, запертыми в клетку. И не имеет никакого значения, где конкретно наступают нас эти страдания.

Я пожимаю плечами:

– Ничего особенного. Просто черная полоса...

Зато теперь я на собственном опыте знаю, что лучшая литература для тюрьмы – это пляжное чтиво.

– Дебби поддержала меня...

Когда Лав Квинн бросила.

Ты не выпрашиваешь подробности (моя умница!) и говоришь, что тебе знакомо это чувство (кто бы сомневался).

– Не хочу тебя огорчать, Джо, но должна сразу предупредить...

Как мило – ты обо мне заботаешься.

– Тут не Кедровая бухта.

Мне нравится твой пыл – ты явно напрашиваешься на схватку, – и я наклоняюсь к тебе над стойкой, за которой ты болтала со старпером.

– Скажи это старикану, который сейчас тащит домой рекомендованного тобой Мураками. Кедровая бухта просто отдыхает.

Ты знаешь, что я прав, и пытаешься изобразить едкую ухмылку, но твои губы сами расплываются в широкой улыбке.

– Посмотрим, как ты запоешь, прожив здесь пару зим, – хмыкаешь ты и краснеешь. – Что в сумке?

Я одариваю тебя своей самой лучезарной улыбкой, хотя уж больше и не надеялся, что она мне когда-нибудь еще пригодится.

– Обед. И, в отличие от судьи Оливии Локхарт, у меня там

целая гора еды. Можешь и брокколи съесть, и на мясо сесть.

Вот дерьмо, неужели я это сказал вслух?! Ты утыкаешься в экран, пока я стою перед тобой как последний идиот, который только что намекнул на свой член.

К счастью, ты томишь меня недолго.

– Компьютер что-то барахлит. Напечатаем бейдж позже.

Вот гребаная железяка! Или, может, это просто очередная проверка...

Ты ведешь меня в комнату отдыха и спрашиваешь, в какое кафе я хожу – в «Савэн» или в «Савадти»? Когда я называю первое, Суриката отрывается от своего «Колумбайна» и делает вид, будто ее сейчас вырвет.

– Фу. Ну и мерзость.

Нет, малышка, грубое поведение – вот настоящая мерзость.

Твоя дочь обожает «Савадти», и ты, похоже, на ее стороне. Тут мы не сходимся. Очень жаль.

Ты кладешь руку мне на плечо – чудесно! – а другой приобнимаешь свою Сурикату. Ты собираешь нас вместе под своим крылом и говоришь, что мне еще многое нужно узнать о Бейнбридже.

– Номи, конечно, впадает в крайности, Джо. Но здесь у нас все люди делятся на два типа: те, кто ходит в «Савэн», и те, кто предпочитают «Савадти», – заявляешь ты и скрещиваешь руки на груди.

Боже, ты что, в самом деле такая мелочная?

– Ясно, – я киваю. – Но разве обоими ресторанами владеет не одна и та же семья?

Суриката со стоном закатывает глаза и демонстративно напяливает наушники – очередная грубость, – а ты зовешь меня на кухню и со вздохом поясняешь:

– Ну да, но меню там немного различается.

Открываешь холодильник, я убираю свой обед. Вся эта ситуация дико нелепа, а спор не стоит и выеденного яйца, и ты сама это чувствуешь, поэтому заговариваешь первой:

– Не злись. Разве не из-за таких вот причуд ты и приехал в наше захолустье?

– Вот черт! Куда я попал?

Ты кладешь руки мне на плечи и заглядываешь прямо в глаза (у вас что, не проводят семинары по сексуальным домогательствам на рабочем месте?).

– Не волнуйся, Джо. До Сиэтла всего тридцать пять минут езды.

Я хочу поцеловать тебя, но ты убираешь руки, и мы возвращаемся в зал. По дороге я говорю, что переехал на остров не для того, чтобы то и дело мотаться на пароме в город.

– А зачем ты вообще сюда переехал? – спрашиваешь ты, пронзая меня взглядом. – Seriously, Джо. Нью-Йорк. Лос-Анджелес. Бейнбридж. Как-то не вяжется.

Ты меня проверяешь. Прощупываешь. Требуешь большего.

– Я пошутил про «Кедровую бухту»...

– Это и так было понятно.

– Просто мне здесь понравилось. Раньше Нью-Йорк был похож на книги Ричарда Скарри...

– Обожаю его.

– Но теперь все изменилось. Может, виноваты эти все-таки велосипедисты...

Или мертвые девушки.

– В Лос-Анджелес я уехал, потому что все так делают. Куда смотреть, если надоел Нью-Йорк? На Западное побережье.

Как давно моей жизнью никто не интересовался. Я уже и сам начал забывать о том, что было, но твои вопросы – и твой искренний интерес – всколыхнули во мне воспоминания.

– Помнишь черно-белые фотографии Курта Кобейна, где он вместе с друзьями дурачится на лугу? Это было самое начало. Еще до того, как Дэйв Грол пришел в «Нирвану».

Ты киваешь. Типа понимаешь, о чем я. Ага.

– Эта карточка висела на холодильнике у моей мамы, когда я был ребенком. Тогда все, что на ней, казалось мне раем. Высокая трава...

Ты снова киваешь и перебиваешь меня:

– Пойдем. Самое интересное – внизу.

И мы двигаемся дальше. В разделе «Кулинария» ты застываешь на мгновение. Тебе на телефон приходит сообщение, и ты тут же принимаешься строчить ответ. Мне не видно, с кем ты переписываешься.

– У тебя есть «Инстаграм»? – спрашиваешь ты, отрываясь от экрана.

– Ага, а у тебя?

Все чертовски просто, Мэри Кей. Я подписываюсь на тебя, ты – на меня. И вот ты уже лайкаешь мои посты о книгах. Сердечко, сердечко, сердечко. В ответ я лайкаю твою фотку с дочерью на пароме, с лучшей подписью, какую только можно представить, – «Девочки Гилмор». Если кто не помнит, это название сериала про молодую мать-одиночку и ее дочь-подростка из провинциального городка. Так что теперь сомнений нет – ты не замужем.

Пока мы идем к лестнице, ты подкальываешь меня по поводу моей странички.

– Не пойми меня превратно... Я тоже люблю книги, но у тебя как-то все однообразно.

– И что же вы мне посоветуете, миссис «Девочки Гилмор»? Постить фотки с моей говядиной и брокколи?

Ты заливаешься краской.

– Хештег придумала Номи. Но вообще-то я забеременела в колледже, а не в старшей школе.

Звучит так, будто отец Сурикаты – какой-то безымянный донор спермы, который для тебя совершенно ничего не значил.

– Я не смотрел сериал.

– Тебе понравилось бы. Он помогает привить любовь к чтению.

Ты продолжаешь болтать, но я-то знаю, о чем ты думаешь. Ты специально завела разговор про «Инстаграм», чтобы разузнать обо мне побольше. Но увы, у меня на странице только книги. А вот у тебя – вся твоя жизнь. Фотки с лучшей подругой Меландой в разных забегаловках. Фотки с Сурика-той, неизменно помеченные тегом #ДевочкиГилмор. Я узнал про тебя очень многое, а ты про меня – почти ничего, и это нечестно. Но жизнь вообще несправедлива, и я не собираюсь судить о своей «непубличности».

Поэтому просто убираю телефон и сообщаю, что ел на завтрак кукурузные хлопья. Ты смеешься – и тут же закрываешь соцсети (что за умничка!) – и я рассказываю о себе так, как это и положено: лично, глядя в глаза. Говорю, что живу в доме на воде в Уинслоу. Ты еще выше закатываешь рукава и с улыбкой замечаешь:

– Мы почти соседи. Мы живем за углом в Уэсли-Лэндинге.

Не может быть, чтобы ты вела себя так со всеми волонтерами.

Мы идем вниз, и ты вдруг касаешься моей руки. Да, малышка, я тоже это вижу. Красное ложе. Вмонтированное в стену.

Ты говоришь тихо, почти шепотом, ведь рядом дети.

– Ну как?

– Отличное ложе!

– Ага, я тоже так его называю. Оно меньше зеленого...

У зеленого цвет такой же, как у достопамятной подушки покойной Бек.

– Но мне больше нравится красное, – продолжаешь ты. – Плюс аквариум...

Аквариум точь-в-точь как в фильме «Близость». Ты протираешь руку, хотя она и не чешется. Это зуд совсем иного рода: ты хочешь бросить меня на этот красный диван прямо сейчас. Но не можешь.

– Когда я была ребенком, в моей библиотеке не было ничего подобного.

Вот почему мне бы хотелось растить своего сына на этом острове. Я киваю и с невольной дрожью в голосе замечаю:

– В моей библиотеке не было даже стульев.

Но тут же себя одергиваю: хватит болтать о своем дерьмовом детстве, неудачник Джо.

Ты наклоняешься ближе, точь в точь как в фильме «Близость», и мурлыкаешь:

– Вечером тут еще уютнее.

У меня перехватывает дыхание. Я не знаю, что ответить. Это уже слишком: слишком чудесно, слишком гладко, слишком идеально – как мороженое на завтрак, обед и ужин. Ты тоже это чувствуешь и поэтому показываешь на шкафчик.

– Увы, на него написал какой-то малыш, а уборщица на больничном. Не боишься испачкать руки?

– Нисколько.

Пару минут спустя я уже оттираю мочу от нашего крас-

ного ложа, и ты изо всех сил стараешься не смотреть на меня, но ничего не можешь с собой поделать. Я тебе нравлюсь. И разве может быть иначе? Даже грязную работу я делаю с улыбкой.

Я переехал сюда, решив, что мне будет легче стать хорошим парнем в окружении других хороших людей. Уровень преступности здесь феноменально низкий: последнее убийство случилось двадцать лет назад. Поэтому когда один архитектор спер у другого рекламный щит, это стало сенсацией, которую местная газета мусолила два выпуска подряд. Молодежь бежит с острова. Население становится старше.

Красное ложе снова как новенькое, я откладываю чистящие средства и оборачиваюсь. Ты ушла.

Я возвращаюсь наверх. Ты сидишь в своем стеклянном кабинете, похожем на аквариум, и, едва завидев меня, стучишь в стекло, приглашая зайти. Естественно, я спешу к тебе. Закрываю за собой дверь и машу в знак приветствия покойной Уитни Хьюстон и Эдди Веддеру³, постеры которых висят у тебя на стене. Ты предлагаешь мне сесть и снимаешь трубку трезвонящего телефона. Никогда не думал, что снова испытаю подобное счастье; как не думал, что Лав Квинн похитит моего ребенка и сунет напоследок четыре миллиона долларов, чтобы откупиться. Но раз уж в этом мире возможны столь чудовищные вещи, то и для столь невыразимо

³ Эдди Веддер (наст. Эдвард Луис Северсон III, р. 1964) – американский рок-музыкант, лидер, вокалист и гитарист культовой гранж-группы «Пёрл джем».

прекрасных в нем должно быть место.

Ты кладешь трубку и улыбаешься.

– Итак, на чем мы остановились?

– Ты как раз собиралась сказать мне, какая песня Уитни Хьюстон твоя любимая.

– Та же, что и в детстве. Мои вкусы не изменились. Now Will I Know, – отвечаешь ты. И невольно сглатываешь.

Я не могу удержаться и сглатываю тоже. Это песня о любви: героиня сгорает от страсти, но боится признаться...

– Мне нравится, как ее перепели «Лемонхэдс», – прерываю я неловкую паузу.

Ты отводишь глаза и улыбаешься.

– Не слышала. Надо будет найти. Как, говоришь, называется группа? Лимон что?..

– «Лемонхэдс». Послушай. Кавер классный.

Ты облизываешь губы и шепотом повторяешь название – я представляю, как попробую на вкус твой «лимончик» на нашем красном ложе... Показываю на набросок небольшого магазина, висящий на стене, и спрашиваю:

– Рисунок дочери?

– Нет, – ты качаешь головой. – А, кстати, хорошая идея! Надо повесить что-нибудь. Эту картинку нарисовала я в детстве. Мне всегда хотелось иметь собственный книжный магазин.

Еще бы! И я могу помочь тебе осуществить эту мечту, ведь теперь я богат.

– Как бы назвала?

– Присмотрись. Вот там, в углу... Бордель «Сочувствие». Я улыбаюсь.

– Неплохо.

Ты тянешься рукой к шее, словно чтобы поправить ожерелье. Но на тебе нет украшений. Снова звонит телефон. Ты говоришь, что должна ответить, я вежливо спрашиваю, стоит ли мне выйти. Ты мотаешь головой – хочешь, чтобы я остался. Берешь трубку и отвечаешь голосом учителя начальных классов в уважаемом школьном округе:

– Хоуи! Как поживаешь? Чем могу помочь?

Этот неизвестный, но уже неприятный мне Хоуи бубнит что-то в трубку, ты показываешь на книгу стихов Уильяма Карлоса Уильямса. Я беру том и протягиваю его тебе. Ты облизываешь палец – хотя без этого вполне можно было обойтись, – и твоя интонация снова меняется. Ты читаешь Хоуи стихотворение, и твой голос словно растопленное мороженое. Потом, ни слова больше не говоря, закрываешь книгу и вешаешь трубку. Я не могу удержаться от смеха.

– У меня масса вопросов.

– Еще бы, – ты киваешь. – Это был Хоуи Окин...

Ты назвала его полное имя. Он тоже тебе нравится?

– Милейший дедуля...

Я выдыхаю – просто очередной «нафталин».

– И он сейчас в аду...

Я сам только что оттуда выбрался.

– Его жена скончалась, а сын уехал...

Мой сын родился четырнадцать месяцев и восемь дней назад, а я его даже не видел. И он не просто мое дитя. Он мой спаситель.

– Как печально, – говорю я, хотя если уж здесь кого-то и стоит жалеть, так это меня.

Это я – жертва, Мэри Кей. Семья Квинн купила мне лучших адвокатов, потому что Лав вынашивала моего сына. Деньги были на моей стороне, и я думал, что мне повезло. Предвкушал, как стану папой. Даже научился играть на гитаре в этой долбаной тюрьме и переписал текст песни My Sweet Lord, добавив туда имя сына – «Харе Форти, аллилуйя». Сказал Лав, что хочу всей семьей перебраться в Бейнбридж, в настоящую Кедровую бухту. Нашел для нас в интернете идеальное гнездышко. Позаботился даже о чертовом гостевом домике на случай, если к нам заявятся ее родители, которые, кстати, никогда не позволяли мне забыть, кто за все платит, словно им пришлось заложить свой гребаный дворец на пляже ради моего спасения.

Нет, не пришлось. Я проверял.

Опять раздается звонок. Снова Хоуи. Теперь он плачет. Ты читаешь ему еще одно стихотворение, и я достаю свой телефон. У меня сохранена одна фотография сына. На ней он сразу после рождения, мокрый и голый. Мне пришлось пойти на риск. На обман. Увы, этот снимок сделал не я. Меня не было рядом, когда он вышел из лона «старородящей» Лав

(гребаные врачи со своим унижительным сленгом).

Я – плохой отец.

Я – никто, пустое место. Меня нет даже на этой фотографии, и – увы! – не потому, что я держу камеру.

Лав позвонила мне лишь через два дня. «Я назвала его Форти. Он так похож на моего брата...»

Я не спорил. Напротив.

«Здорово! Не могу дождаться встречи с вами».

Девять дней спустя адвокаты вытащили меня из тюрьмы. Все обвинения сняли.

И вот мы на парковке. На улице душно, но все равно лучше, чем в камере. В голове крутится песня – «Харе Форти, аллилуйя». Подумать только, я – отец. Папочка.

Сажусь в лимузин вместе с адвокатами. «Нам надо заехать в офис, чтобы вы подписали пару бумаг». Мы едем в деловой центр, напоминающий бетонную крепость, в Калвер-Сити. На подземной парковке не видно солнца, и я так до сих пор и не увидел своего сына, но я терпелив. «Всего пару бумаг». Поднимаемся на лифте на двадцать четвертый этаж. «Это быстро». Входим в просторную комнату для переговоров, и они закрывают дверь, хотя на этаже никого. В углу торчит громила в темно-синем пиджаке. «Всего пару бумаг». А потом я узнаю то, о чем должен был догадаться с самого начала. Адвокаты не были моими. Им платила семья Лав. И они работали не на меня, а на нее. «Пара бумаг» оказалась контрактом с дьяволом.

Квинны предложили мне четыре миллиона долларов, чтобы я навсегда исчез из их жизни. И отказался от родительских прав. Никаких контактов с ребенком. Никаких встреч. Никаких пересечений.

«Квинны готовы заплатить за дом вашей мечты на острове Бейнбридж».

«Зачем он мне без сына!» – закричал я и швырнул планшет об пол. Но тот отпружинил и даже не треснул. Адвокаты сохраняли спокойствие. «Лав Квинн считает, что это в интересах ребенка». Я ни за что не отказался бы от своей плоти и крови, но громила положил пистолет на стол. Он, как проститутка, выполняет любые пожелания клиента и, не моргнув глазом, пристрелит меня в этом гребаном зале для переговоров на двадцать четвертом этаже в Калвер-Сити. Они могут прикончить меня, и им ничего за это не будет. Но я не могу умереть, ведь теперь у меня есть сын. Поэтому я все подписал. Я получил деньги, они – моего ребенка.

Ты поворачиваешься на стуле. Берешь блокнот и пишешь: «Всё в порядке?»

Пытаюсь улыбнуться, но, видимо, не очень успешно. Ты выглядишь расстроенной. Приписываешь еще: «Хоуи – милейший человек. И такая непростая судьба...»

Киваю. Понятно. Я тоже был хорошим человеком. Глупым и доверчивым. Запертым в тюрьме и грезящим о Кедровой бухте. Я всей душой верил Лав, когда она говорила, что мы переедем туда вместе, всей семьей. Идиот!

Ты наскоро царапаешь в блокноте: «Мир так несправедлив. Как сын мог его сейчас оставить?» И снова принимаешься утешать Хоуи Окина. Я все понимаю, я не монстр. И искренне сочувствую этому старику. Но он хотя бы имел возможность сам растить своего засранца. Я же видел малыша Форти только на фото. «Инстаграм» – это все, что мне осталось. Лав – отморозенная извращенка: она похитила у меня сына, но не заблокировала меня в соцсетях. Всякий раз, когда я думаю об этом, меня пробирает дрожь. Убавляю звук на телефоне, открываю трансляцию и смотрю, как мой мальчик бьет себя лопаткой по макушке. Его чокнутая мать заливается смехом, ей смешно – хотя ничего смешного нет! Я могу следить за тем, как живет мой сын, в прямом эфире, но от этого только хуже – ведь ни ощутить его запах, ни прижать его к себе я не способен.

Отключаю видео. Закрываю приложение. Но свои чувства выключить мне не под силу.

Я стал отцом еще до того, как родился мой мальчик. Сидя в тюрьме, я выучил стихи Шела Силверстайна и до сих пор помню их наизусть, хотя мне и некому их читать. И тоска по сыну душит меня, как гигантский удав, скользит по моей коже, проникает в мозг, постоянно напоминая о том, что я потерял. Вернее, продал. И это невыносимо. Мучительно. И ком подступает к горлу. Я не могу так жить.

Ты вешаешь трубку, поднимаешь взгляд на меня и вскрикиваешь:

– Джо, ты... Дать салфетку?

Я не хотел плакать. Это все моя чувствительность. И Уильям Карлос Уильямс. И печальная история Хоуи Окина. Ты протягиваешь мне бумажный платок.

– Приятно встретить единомышленника... Конечно, читать стихи по телефону не входит в мои обязанности. Но, ты же понимаешь, это библиотека. Для меня большая честь работать здесь. Мы можем многим помочь, и я просто...

– Порой всем нам нужна толика поэзии.

Ты улыбаешься. Мне. Для меня. Из-за меня.

– Думаю, мы сработаемся.

Ты тронута моими слезами и думаешь, что я плакал из-за Хоуи. Теперь я официально принят. Мыжимаем друг другу руки – соприкасаемся, – и я даю себе обещание. Я стану твоим мужчиной, Мэри Кей. Стану тем, кем ты меня считаешь, – парнем, который сочувствует и Хоуи, и коварной матери своего ребенка, и вообще всем на этой мерзкой гребаной планете. И я не буду больше никого убивать, даже если этот кто-то встанет между нами, хотя... Ладно, проехали.

Ты смеешься:

– Может, уже отпустишь меня?

Разжимаю ладонь и выхожу из твоего кабинета. Я бы с удовольствием опрокинул здесь один за одним все стеллажи и разорвал все страницы, потому что мне больше не нужно читать чертовы книги! Я прозрел, Мэри Кей. И понял, о чем из века в век писали поэты.

Отныне и навсегда твое сердце поселилось в моем.

Я потерял сына. Потерял семью. Но, возможно, это было не зря. Возможно, Провидение вело меня к тебе. И все эти токсичные женщины, которые заманивали, использовали и мучили меня, были нужны лишь, чтобы подготовить и привести меня на этот скалистый остров. В твою библиотеку.

Я оборачиваюсь: ты снова говоришь по телефону, рассеянно вертя в руках шнур. Наша встреча изменила и тебя. Любовь уже вошла в твое сердце. И, черт возьми, Мэри Кей, ты это заслужила. Ты так долго меня ждала. Дарила жизнь. И стихи. Мечтала о собственном книжном магазине (поверь, осталось совсем недолго). Даже сумела уговорить нафталинового старикана взять Мураками, словно ему под силу погрузиться в мир литературы. Ты провела свою жизнь в этом кабинете, глядя на плакаты поп-звезды и рок-звезды, сохраненные еще со школы. Увы, будни, лишённые ярких страстей, мало походили на их песни, но теперь все изменится. Я здесь. И тоже уверен, что мы отлично сработаемся.

Несмотря на кажущиеся различия, мы очень похожи. Обзаведись я в молодости ребенком, был бы сейчас таким же, как ты. Ответственным. Терпеливым. Спокойным. Шестнадцать лет на одной гребаной работе на одном гребаном острове – подумать только! А ты, окажись столь же одинокой, как я, наверняка стала бы помогать другим. И вот сегодня утром мы оба встали с постели. Почувствовали биение жизни. Я надел новенький свитер, ты – синий бюстгальтер, плот-

ные колготки и мини-юбку. Наш телефонный разговор запал тебе в душу. Так и представляю, как ты отключаешь звук на телевизоре, на экране мелькают кадры из «Кедровой бухты», а ты ласкаешь себя и думаешь обо мне. Мои щеки пылают. Беру свой бейдж на стойке регистрации. Фотография получилась удачная. Я никогда не выглядел лучше. Никогда не чувствовал себя лучше.

Вешаю бейдж на шнурок – как приятно, когда жизнь обретает смысл и все складывается одно к одному: ты и я, говядина и брокколи, бейдж и шнурок... Мое сердце бьется чаще, а потом замедляется. Я больше не отец, лишившийся сына. У меня появилась цель. И все благодаря тебе. Ты сделала у судьбы спецзаказ, и вот он я, пожалуйста, доставлен и снабжен биркой. На фирменном шнурке. И – нет! – я не тороплю события. Мне нужно время, чтобы влюбиться в тебя. Да, мне пришлось нелегко, но рождение ребенка того стоило. Я – твоя давно просроченная книга, которую ты уже и не мечтала увидеть. Мне потребовалось немало времени, чтобы добраться сюда, и жизнь потрепала меня по дороге, но удача улыбается лишь таким людям, как мы, Мэри Кей, – готовым ждать, страдать и терпеть, глядя на портреты звезд и бетонные стены камеры. Я надеваю бейдж, и у меня такое чувство, будто он создан для меня. А значит, так оно и есть, пусть это и неправда. Идеально.

2

Вчера я подслушал, как два «нафталина» называли нас «голубками», а сегодня мы снова воркуем в нашем гнездышке – на уединенной лавочке в японском саду. Мы обедаем здесь каждый гребаный день, и сейчас ты смеешься, потому что нам всегда весело. Это судьба, Мэри Кей. Мы предназначены друг для друга.

– Нет, – стонешь ты, – только не говори, что вправду украл газету у Нэнси.

Нэнси – моя соседка с глазами цвета свежего дерьма. Вы вместе ходили в старшую школу. Она тебе не нравится, но вы с ней «дружите». Я отвечаю, что она сама виновата: нечего было влезать передо мной без очереди в местной кофейне «Пегас».

Ты киваешь:

– Думаю, это карма.

– Знаешь, как говорят, Мэри Кей: хочешь изменить мир – начни с себя.

Ты снова заливаешься смехом. Тебе приятно, что кто-то решился поставить наконец на место эту Говноглазку. И ты все еще не можешь поверить, что я живу по соседству с ней – прямо за углом от вас. Жуешь говядину с брокколи (теперь это наш постоянный рацион), закрываешь глаза и поднимаешь палец – тебе нужно время. Наступает самая ответствен-

ная часть нашего обеда. Я отсчитываю десять секунд и издаю звук, как в телевикторинах.

– Ну что, мисс Димарко? «Савэн» или «Савадти»?

Ты наклоняешь голову, словно кулинарный критик, и решительно заявляешь:

– «Савэн». Определенно.

Увы, снова мимо. Я издаю еще один звук, оповещающий о неудаче. Ты злишься и обещаешь, что в конце концов выиграешь. Я улыбаюсь и тихо говорю:

– Думаю, выиграем мы оба, Мэри Кей.

И ты прекрасно понимаешь, что речь тут вовсе не о дурацкой угадывке. Смахиваешь со щеки слезу счастья и выдыхаешь:

– О, Джо, ты меня прикончишь...

Я слышу от тебя подобное каждый день, и мы уже должны бы кувырнуться обнаженными на красном ложе. Но я не тороплюсь: всему свое время. Щеки твои алеют, и ты уже успела повесить меня до «специалиста по художественной литературе». Я организовал новый раздел под названием «Тихие голоса», где представлены такие книги, как «Узлы» Энн Петри – малоизвестные произведения знаменитых авторов. Чудесно, когда хорошие книги притягивают взгляды, сказала ты. А мой взгляд притягивала твоя задница, которой ты покачивала, зная, что я смотрю вслед. И тебя точно так же тянет ко мне, поэтому мы и сидим сейчас вдвоем на уединенной лавочке. Ты заботливо предупреждаешь, что Говноглаз-

ка может ославить меня в приложении, публикующем местные сплетни.

– Да брось, – отмахиваюсь. – Я же у нее газету украл, а не собаку. Тем более что никто не видел. В десять вечера тут уже все спят: ни у кого свет не горит.

– А ты, значит, бунтарь-полуночник? Всю ночь куришь и читаешь Буковски?

Люблю, когда ты меня дразнишь.

– Кстати, хороший автор, – замечаю я. – Предложи Номи почитать вместо «Колумбайна».

– Неплохая идея. Может, стоит для начала подсунуть ей «Женщин»...

Ты всегда с восторгом принимаешь мои предложения (умница!).

Спрашиваю, как бы Буковски описал мою соседку Говноглазку. Ты начинаешь хохотать, и кусок мяса попадает не в то горло. Откашливаешься и хватаешься за живот: он уже болит от смеха (как там бабочки?). Я похлопываю тебя по спине – проявляю заботу, – ты отхлебываешь воду и делаешь глубокий вдох.

– Спасибо. Я чуть концы не отдала.

Мне хочется взять тебя за руку, но пока рано. Ты достаешь телефон – как не вовремя! – смотришь на экран и опускаешь плечи. Я уже успел изучить язык твоего тела: когда приходит сообщение от Сурикаты, ты выпрямляешься, садишься ровнее. Сейчас совсем не так. Да, Мэри Кей, я прилежный

ученик – удивительно, как легко узнать женщину, имея ее в друзьях в соцсети, – мне известны все твои контакты и в реальной жизни, и в интернете.

Снова проявляю заботу:

– Всё в порядке?

– Ага, да. Это мой друг Шеймус. Надо ответить. Я быстро.

– Конечно. Не торопись.

Я знаю, Мэри Кей. У тебя есть «своя» жизнь, и она в основном крутится вокруг дочери. Но не обошлось и без друзей, и Шеймус, мать его, Кули – один из них. Вы ходили вместе в старшую школу (какая скука!), и он держит хозяйственный магазин. Поправочка: он унаследовал магазин от родителей. Тебе он пишет в основном, чтобы пожаловаться на свою двадцатидвухлетнюю телку, которая вечно выносит ему мозг – еще бы! – а ты его утешаешь и жалеешь. Видите ли, он такой ранимый, потому что в школе его вечно дразнили из-за небольшого роста. Держу пари, местные придурки звали его Гномус. Но вообще-то это полная чушь – посмотрите на Тома Круза! Когда ему это мешало? Но я прикусываю язык. Ты все еще залипаешь в телефоне.

– Извини, – говоришь. – Я понимаю, что это невежливо...

– Нисколько.

Если тебе хорошо, то и мне хорошо. Вот только следовать этому правилу не так-то просто, Мэри Кей. Всякий раз, когда я зову тебя выпить кофе или приглашаю в гости, ты отказываешься, прикрываясь Номи или друзьями. Я знаю, ты

меня хочешь: юбки с каждым днем становятся все короче, и твоя мураками истекает соком в ожидании меня. Я прихожу раньше положенного и остаюсь после окончания смены, но ты не можешь мной насытиться. И, похоже, я тебя избаловал, ведь мы видимся почти каждый день. Ты никогда не отсылаешь меня домой, и однажды, когда мы заболтались на парковке, ты пошутила, что мы тянем время. А я сказал, что скорее теряем. И тебе понравилось. Как и все мои публикации в «Инстаграме».

@ЛедиМэриКей лайкнула вашу фотографию. И еще одну. И еще.

@ЛедиМэриКей Хочет затащить тебя в постель. Она разборчивая, осмотрительная, терпеливая. И она наконец нашла мужчину своей мечты, и это ты, Джо. Ее суженый. Наберись терпения: все-таки она мать и твой начальник. За флирт на рабочем месте ее могут уволить!

Наконец ты засовываешь телефон в карман и выдыхаешь:

– Сейчас бы выпить...

– Все так плохо?

– Ага. Помнишь, я рассказывала, что у него есть домик в горах?

Как уж тут забыть... Кстати, ничего особенного. Я видел фотки в «Инстаграме». К слову, этот твой дружок совсем не любит читать, зато качает бицепсы по абонементу.

– Что-то припоминаю, – не моргнув, отвечаю я.

– Ну вот, он повез туда свою девушку. Всю дорогу она

ныла из-за отсутствия вай-фая. А потом вообще его бросила.

– Ну и дела.

– Да уж. Я понимаю, как все это выглядит со стороны: зрелый мужчина таскается за молоденькой девушкой, но...

Никаких «но», это просто ужасно. И точка.

– ...Понимаешь, каково ему сейчас? Он мне как брат. И такой ранимый...

Нет, Мэри Кей. Он обычный мужчина.

– ...Мне его жаль. Он так много делает для нашего острова... Он святой. Постоянно дарит книги...

Я, между прочим, пожертвовал сто кусков на библиотеку!

– Он – наше «щедрое дерево»⁴, – не унимаешься ты.

Человек не может быть ни островом, ни деревом, но я улыбаюсь.

– Конечно. Я видел указатели для организованного им пробега и спонсируемые им группы по уборке улиц. Но не все же помогать другим...

Черт, как трудно играть эту роль.

– ...Нужно и собой заняться. Отдохнуть в горах, проветриться, очистить мозги...

– Да. Возможно, ты прав. Ему дико не везет с женщинами.

Это еще как посмотреть, Мэри Кей. Знала бы ты о моих бывших...

– Ему повезло, что у него есть ты, – говорю я, и ты зали-

⁴ «Щедрое дерево» – книга Ш. Силверстайна. Издана на русском языке в переводе М. Дубровской.

ваешься краской. И не произносишь ни слова возражения. Ни одного! Ты же не хочешь этого гребаного неудачника, так ведь? Ну конечно, так. Ведь если хотела б, то тут же получила бы. Посмотри на себя!

Ты вздыхаешь. Вздох – признак вины и согласия. Это он тебя хочет, а ты его – нет. Тебе нужен я.

– Я об этом не задумываюсь. Просто не могу не помочь, не подставить плечо... – признаешься ты, и я тебя понимаю, Мэри Кей, ведь я точно такой же, просто методы у меня немного другие.

Мы умолкаем, с каждым мгновением становясь все ближе друг другу. После встречи с тобой моя решимость оставаться пайнкой только увеличилась. Я поклялся, что никогда и никому не причиню больше вреда, даже этому выскочке с хозяйственным магазином, где в основном работают одни женщины – и форма у них, на мой взгляд, чересчур обтягивающая. Я такой же добрый, как ты. Такой же хороший. Поэтому покоряюсь судьбе, сглатываю и предлагаю:

– Может, сходим куда-нибудь вечером...

Ты поправляешь рубашку – сегодня на тебе свитер с глубоким треугольным вырезом, слишком смелым для библиотекаря, которому то и дело приходится наклоняться.

Ну же, скажи «да».

– Я бы с удовольствием, но уже пообещала подруге. Извини. – Ты встаешь. – Пора возвращаться к работе.

Я поднимаюсь вслед за тобой.

– Ладно, не настаиваю. Просто предложил.

Мы медлим, словно нас что-то держит. Время замирает, как перед первым поцелуем (которому уже давно пора было случиться). Осень. Падают листья. И ты вот-вот упадешь в мои объятия. И рядом с тобой я почти не чувствую гнетущее одиночество, которое преследует меня всю жизнь. Невидимые нити притягивают нас друг к другу. Но ты вдруг разворачиваешься и идешь к двери.

– Если больше не увидимся – хороших выходных! – бросаешь ты напоследок.

* * *

Шесть часов спустя, в самый разгар пятничного вечера, я снова один. И ВСЕ ВЫХОДНЫЕ НАСМАРКУ, МЭРИ КЕЙ, потому что они пройдут без тебя. Успокаивает только одно – ты мне не солгала и не побежала утешать своего коротышку: он в пивнушке смотрит футбол (как все местные), а ты пьешь вино с Меландой.

В «Инстаграме» она зовет себя @МеландаМатриархат (звучит как диагноз) и отмечена как твоя лучшая подруга. И догадайся, чью фотографию она запостила у себя в честь дня рождения феминистки Глории Стайнем... Свою, конечно. Она – училка литературы у твоей дочери и постоянно изводит ее в комментариях за интерес к Дилану Клиболду (кто-нибудь здесь вообще помнит о личных границах?). Но ты ви-

дишь в людях только хорошее. Меланда стала твоим первым другом в Бейнбридже и «спасла тебе жизнь» в старшей школе, поэтому ты лайкаешь любую чушь, которую она постит, даже ее неприлично большие сиськи, обтянутые футболкой с лозунгом «ВЕРЬТЕ ЖЕНЩИНАМ».

Ты не жалеешь для нее лайков, несмотря на то что она не отвечает тебе тем же. Но ты выше этой мышины возни, как и я. Поэтому, когда она таскает тебя в кабак по вторникам и пятницам, чтобы ныть о неудачных свиданиях с придурками, найденными в приложении для знакомств, ты подчиняешься.

Не нужно быть гением, чтобы понять: я должен быть с тобой, а Меланда – с Гномусом. Они два сапога пара. Она ненавидит мужчин, так как слишком осторожна, чтобы найти настоящую любовь (заметь, это твои слова, не мои), а ему нужна телка, согласная сосать его «гномуса».

И тут приходит сообщение. От тебя.

«Как проводишь вечер?»

«Тусуюсь. Как девичьи посиделки?»

«Не девичьи, а женские».

Раньше ты мне никогда не писала, и да, я уверен: это победа, пусть ты и немного пьяна. Мне хочется бить себя в грудь и воздевать к небу кулак, потому что, черт возьми, это победа! Ты сама сделала первый шаг – не я. И дело тут не в предрассудках или ложной скромности – я должен быть осторожен. В этом антиромантическом мире я не могу первым по-

звонить или написать тебе по личному телефону, потому что даже такой невинный жест будет воспринят системой правосудия как «домогательство» и «преследование». И на этот раз у меня нет карточки «Бесплатное освобождение из тюрьмы», но и без нее жизнь прекрасна. И все благодаря тебе, Мэри Кей! Ты сама перешла черту и отправила мне сообщение в нерабочее время. Библиотека закрыта, а ты – нет. И хвала небесам, в этот вечер я вытащил свою задницу в бар «Исла бонита» – еще одна победа! – и ты увидишь, что я не тоскую по тебе дома в одиночестве, а, как и все, тусуюсь с друзьями (на самом деле нет, но на кадрах с камеры видеонаблюдения сидящих рядом парней вполне можно принять за моих приятелей). У меня тоже есть «своя» жизнь, и теперь твоя очередь ревновать и бояться упустить меня.

Пишу тебе: «А я с мальчишками. Пиво, чипсы и футбол в “Исла”».

Ты медлишь с ответом. Перевариваешь факт, что я сейчас на одной улице с тобой, меньше чем в сотне метров. Ну давай же, Мэри Кей, выплесни свое вино и беги ко мне.

Наконец от тебя приходит ответ: «С тобой весело».

Я пишу: «Иногда мальчики и девочки пьют вместе в одном баре».

Ты: «Меланда ненавидит спорт-бары. Долгая история. Ей нагрубил бармен».

Понятное дело! Сама небось виновата. Готов спорить, в штате не осталось ни одного бара, где ей не нагубили бы.

Я фоткаю стикеры, висящие на стене: «У МЕНЯ БАРМЕН ВМЕСТО ПСИХОТЕРАПЕВТА» и «ЭТО НЕ Я БОЛЬНОЙ, А ТЫ ЗАСРАНЕЦ» – и отправляю тебе.

«Скажи своей подруге Меланде, что я все понял».

И тут на моем экране загораются два слова, от которых перехватывает дыхание и сердце взмывает выше облаков: «Люблю тебя».

Судя по многоточию рядом с твоим именем, ты пишешь что-то еще. Через секунду приходит следующее сообщение: «Черт, палец соскользнул. Я хотела написать: люблю твое чувство юмора. Классные фотки. Прости... Вино».

Мое сердце бешено бьется. Ты любишь меня! А остальное не важно. Вокруг все заняты своими делами и не обращают внимания на то, что мир изменился, и только Ван Моррисон воеет из динамиков о наступлении «прекрасного нового дня». И, черт возьми, он прав! Так чего же я медлю?

Ты хочешь меня, а я – тебя. Была не была!

Вылетаю на улицу и иду к твоей забегаловке, чтобы стать ближе, как в «Близости», но в последний момент останавливаюсь.

Да, ты сказала мне, где находишься, но присоединиться к вам не пригласила. И если я сейчас заявлюсь нежданно-негаданно, будет ли это хорошим началом нашей любовной истории? Сомневаюсь. У вас здесь на острове принято, чтобы хорошие парни уважали чужое личное пространство, будь оно неладно.

Сквозь тонкие стены я слышу смех в «твоем баре». Помимо чертовой Меланды, у тебя там полно знакомых. Я хочу спасти тебя из этого нудного засилья нелепых жилеток и клетчатых фланелевых рубашек, которое никогда не сравнится нашими уединенными обедами в саду.

Но я не могу, Мэри Кей. Хорошо, что мне есть чем утешиться: сегодня мы здорово продвинулись – ты первая написала, первая начала разговор. И я хочу, чтобы завтра, когда проснешься, ты помнила об этом. Усилием воли я заставляю себя свернуть в переулок, подальше от звука твоего голоса, и, черт возьми, как же это трудно... Однако постепенно улыбка озаряет мое лицо, потому что сегодняшней вечер стал для нас важной вехой. Несмотря на лучшую подругу и толпу знакомых, ты вспомнила обо мне. Взяла телефон и написала. Вопреки приличиям. Дерзкая и одержимая страстью. Не в силах больше сдерживаться.

Потому что ты меня любишь.

Можешь теперь говорить, что это просто случайность и ты совсем другое имела в виду. Можешь грешить на выпитое вино и невнимательность. Но любой, у кого есть телефон, знает, что очень сложно так ошибиться после пары бокалов. Ты отправила мне признание в любви, потому что подсознательно хотела это сделать. И теперь ты уже не в силах отнять у меня эти слова – они мои, светятся в темноте на экране моего телефона.

И в эту ночь, вопреки обычаю, я сплю спокойно, убаюкан-

НЫЙ ТВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ.

3

На этом острове я дошел до того, что стал завидовать людям, работающим по выходным. Им хотя бы, черт возьми, не нужно думать, чем занять бесконечно тянущееся время, когда семьи и парочки собираются вместе и наслаждаются обществом друг друга, не обращая ни малейшего внимания на меня, одинокого, забытого и скучающего по тебе настолько, что даже пришлось пойти в продуктовый магазин в твоём районе в надежде на случайную встречу, пока твоё пятничное признание ещё не утратило свою свежесть и новизну.

К сожалению, чуда не случилось ни в субботу, ни в воскресенье, но хотя бы выходные кончились, и наконец-то наступил понедельник. Выгляжу я отлично, несмотря на бессонную ночь (все серьезнее, чем я думал). Натягиваю ярко-оранжевый свитер, чтобы ты наверняка заметила меня среди стеллажей, и проверю «Инстаграм». Вчера вечером я выложил несколько меланхолических цитат из Ричарда Йейтса и теперь хочу узнать, прикоснулась ли ты уже к пустому белому сердцу под постом о «Плаче юных сердец» и заставила его загореться.

Увы, нет. Но это нормально.

@ЛедиМэриКей не лайкнула твою фотографию, потому что ей нужен ты, Джо. Во плоти.

Выхожу из дома и запираю за собой дверь, хотя местные

«нафталины» утверждают, что тут это необязательно. Иду мимо кинотеатра на Мэдисон (хотел бы я попробовать тебя на вкус в темном кинозале) и проверяю «Инстаграм» Лав. Смотрю, как мой сын рвет очередную книжку, и поскорее прячу телефон: когда нужно быть на высоте, лучше не заглядывать в семейную онлайн-кунсткамеру Лав. К тому же на парковке я замечаю твой «Субару» – ты уже на работе! Ускоряю шаг, но тут же одергиваю себя – осторожно, Джозеф. Захожу внутрь, но тебя нет ни в зале, ни в кабинете. Черт! Плетусь в комнату отдыха, где очередной старый «нафталин» рассказывает мне о своей жене, которая уговаривает его принять таблетку от боли в пояснице. Хочу, чтобы лет через тридцать мы так же заботились друг о друге, но для начала нам надо хотя бы переспать.

Закидываю новые издания в мисс Телеггинс, толкаю ее к стеллажам – и бац! Ты здесь. Кладешь руки на книги и смотришь на меня.

– Привет.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не наброситься на тебя прямо здесь и сейчас (как ты этого хочешь), и выдавливаю ответное приветствие.

– Съездим в город пообедать или ты ни ногой из Кедровой бухты? – спрашиваешь как ни в чем не бывало.

ЧТО ЗА ВОПРОС!

– Конечно.

Твои щеки алеют, как наше красное ложе. Ты хочешь про-

вести время со мной, и спереди на твоей короткой юбке сверкает сквозная молния. Раньше я этот наряд на тебе не видел. Ты надела его сегодня ради меня, для нашего обеденного свидания. И вот ты стоишь передо мной и поигрываешь замочком – хочешь, чтобы я его расстегнул...

– Идем?

Надеваем куртки и идем по Мэдисон-авеню, словно влюбленные из романтического кино под красивую музыку. Ты спрашиваешь, пришла ли уже знакомиться со мной Говноглазка, я мотаю головой, и ты вздыхаешь:

– Странно... Вот видишь, если б у нас здесь было как в Кедровой бухте, Нэнси и ее муж уже давно стояли бы у тебя на пороге с выпечкой.

Я не собираюсь давить на жалость, поэтому меняю тему и спрашиваю, как прошли твои выходные – чтобы прощупать почву и напомнить о признании. Ты рассказываешь, что вы с Сурикатой ездили в Сиэтл. Слушаю с улыбкой и делаю вид, будто мне интересно.

– Здорово. Чем занимались?

– Ну, ты же понимаешь, у Номи сейчас сложный возраст... Если мы идем куда-то вместе, она убегает на несколько шагов вперед. Если я предлагаю зайти в итальянский ресторан, она требует китайский, а когда я соглашаюсь...

– Она хочет в итальянский.

– Именно так. И еще она все время мерзла из-за того, что не взяла куртку. Мы зашли навестить старых друзей, кото-

рые держат магазин гитар. Они как семья... – Ты замолкаешь и пожимаешь плечами. – В общем, обедали мы просто булочками на пароме. Тот еще момент для материнской гордости, понимаешь?

Ты улыбаешься и вдруг меняешь тон:

– А ты, Джо, хочешь детей?

Вопрос с подвохом. Номи учится в старшей школе, и если ты больше не планируешь рожать, а я скажу, что хочу малыша, то у тебя появится причина оттолкнуть меня. Однако ответить отрицательно я тоже не могу, иначе ты решишь, что я не подхожу на роль отчима.

– Я живу по принципу «будь что будет».

– В этом разница между мужчинами и женщинами. У вас на пороге в любой момент может появиться ребенок с генетическим тестом под мышкой, типа «Привет, пап!».

Если б ты только знала всю правду... Я улыбаюсь.

– А как насчет тебя? Ты хочешь еще детей?

– Ну... Знаешь, рождение Номи стало для меня большим подарком, изменившим всю мою жизнь. И последнее время я понимаю, что скоро она повзрослеет и начнется новая глава. Не уверена насчет малыша, а вот свой книжный магазин я бы открыла.

Ты затихаешь, представляя нас вдвоем в «Борделе». Засовываешь руки в карманы и, немного помолчав, спрашиваешь:

– Как отдохнул с мальчишками?

И голос твой дрожит от волнения (все-таки первое свидание).

Мне нравится эта твоя новая сторона, Мэри Кей. Ты ревнуешь. Заводишься.

– Все как обычно... Пиво, чипсы, девочки, – подначиваю я тебя.

– С кем-то познакомился?

Ого, да ты, похоже, уже по уши в меня втрескалась. Я не могу сдержать улыбку и продолжаю тебя дразнить.

– Да, вроде того... Но потом одна коллега прислала мне сообщение, и я всех слил.

Ты знаешь, что я говорю о тебе, и пожимаешь плечами – чуть сдержанно; это напоминание о том, что хотя мы и родственные души, но пока еще не настолько близки. И сейчас – на ходу, посреди улицы – не лучшее время для решительного шага.

– Шутка. Я не снимаю телочек в барах, и вообще никого специально не ищу.

Покойная Бек сама пришла в мой книжный магазин. И ты сама устроилась на работу в мою библиотеку.

– Для меня главное не внешность, а химия.

Мне показалось или ты только что немного выгнула спину? Нет, не показалось, так и есть.

– Ясно, – говоришь ты. – Я понимаю.

В разговоре повисает естественная, сексуальная пауза. Будь мы сейчас на оживленной четырехполосной магистра-

ли в Лос-Анджелесе, я бы взял тебя за руку. И мог бы даже поцеловать. Но это остров, и здесь не спрячешься от чужих глаз. Наша прогулка подходит к концу. Ты открываешь дверь в кафе, и мои глаза превращаются в сердечки, как в старом мультике. Внутри все красное, как наше алое ложе. Ты выбрала это место неспроста. Ты знаешь хозяина, он приятный человек – у него обручальное кольцо на пальце. И он говорит, что твой диванчик свободен. Не твой, а наш.

Мы садимся друг напротив друга. Наконец-то ты вся в моем распоряжении, а я – в твоём.

Тянешься к меню, хотя ела здесь не один раз.

– Я всегда заказываю одно и то же, но сегодня хочу попробовать новое, – говоришь ты.

Рядом со мной тебя тянет на эксперименты. Я улыбаюсь.

– Порекомендуешь что-нибудь?

– Тут все вкусно. Но я бы советовала взять на гарнир жареную картошку, к примеру.

Ты заказываешь чили, а я – клубный сэндвич и картошку, конечно. Ты улыбаешься мне, но потом что-то отвлекает твоё внимание. Ты выпрямляешься и машешь.

– Меланда! Я здесь!

Предполагалось, что это будет интимный обед: ты, я и картошка, но твоя подруга Меланда уже топает к нашему дивану. Огромные сиськи, словно взятые по дешевке оптом, обтянуты майкой из массмаркета; она прет напролом, как за-

щитник на квотербека в футболе⁵. Как будто жизнь – это война. На одежде видны потеки пота (эй, Меланда, вообще-то тут люди едят), и ей явно не помешает консультация специалиста по фильтрам в «Инстаграме», потому что отличие от реальности слишком разительное. Ты посылаешь ей воздушный поцелуй и говоришь, что она отлично выглядит (вранье!). Спрашиваешь, какими судьбами ее сюда занесло. Ты что, испытываешь меня?

Хозяин приносит Меланде меню. Та раздувает ноздри, неоправданно поглощая драгоценный кислород.

– У меня только что был крайне неприятный инцидент с Барри, учителем математики. Он, видите ли, считает, что, как «отец дочерей», имеет право меня наставлять.

Ты смотришь на меня и, явно чувствуя фальшь в словах подруги, добавляешь:

– Меланда хочет организовать некоммерческую организацию для местных девушек...

Твоя грудастая подруга прикусывает губу в знак протеста, ты в ответ подталкиваешь ее локтем и исправляешься:

– Для молодых женщин.

Она морщится, ты примирительно разводишь руками.

– МК имеет в виду, – обращается Меланда ко мне, – что я строю инкубатор для молодых женщин. Видел, наверное, плакаты в библиотеке. Называется «Будущее за женщинами».

⁵ Имеется в виду американский футбол.

– Да, конечно.

Наряду с призывами к девушкам «установить границы», там везде навязчивые приказы использовать ее хештег во всех своих постах. #МеландаМатриархатРазгромитПатриархат... Только вот молодые женщины что-то не слишком торопятся продвигать ее бренд.

– Ну и?.. – настаивает она.

– Всецело поддерживаю.

Рядом с ней ты ведешь себя по-другому – сдержаннее, осторожнее. Такова человеческая природа: мы всегда приспособляемся. Я знаю людей ее типа. Она терпеть не может вопросы – ей нужна лишь похвала, поэтому я говорю, что это гениальная идея, и умалчиваю, что того же самого можно добиться, не будучи такой сволочью, как она.

– Я уже все продумала. Мы запускаемся в начале следующего года, – сообщает Меланда, словно мне это интересно, и берет твой стакан с водой. – Кстати, МК, ты прочитала последний вариант общей концепции?

Ты виновато оправдываешься и достаешь из сумочки пакетик сахарозаменителя. Она делает такую мину, словно это косяк или биография Билла Косби⁶.

– О нет, дорогая, – принимается причитать она. – Хватит себя травить.

Ага, вот и попалась. Подсознательно она хочет твоей

⁶ Билл Косби (р. 1937) – американский комик, обвиненный в сексуальном насилии.

смерти, но пока даже сама этого не понимает, а ты и не догадываешься. Как грустно...

– Знаю, – откликаешься ты, – но все никак не могу бросить.

Я молчу – ты так нас и не представила. Меланда пьет твою воду и вздыхает:

– Кстати, моего тренера наконец-то уволили. Не одна я на него жаловалась.

Ты замечаешь, что никогда не ходила в спортзал, и мне безумно интересно и хочется расспросить тебя поподробнее, но Меланда снова влезает в разговор с жалобами на своего «мерзкого тренера». Какого черта! Было бы неплохо, если б она сама хоть иногда следовала правилам, написанным на своей футболке, – «ПОЗВОЛЬ ЕЙ ВЫСКАЗАТЬСЯ». Ты подмигиваешь мне и... Погоди! Это что, подстава?

– Меланда, – говоришь ты, – пока не забыла: это Джо. Я тебе о нем рассказывала. Он работает волонтером в библиотеке. Переехал сюда несколько месяцев назад.

Протягиваю руку.

– Рад познакомиться, Меланда.

Вместо того чтобы нормально пожать мне руку, она ее то ли поглаживает, то ли похлопывает. И нет, это не подстава. Мое первое впечатление оказалось верным. Ты испытываешь меня, словно новичка, желающего вступить в закрытый клуб, а Меланда ревнует и строит козни, прямо как подпевала-неудачник в дешевых молодежных мелодрамах.

– Чудесно; еще один белый мужчина, который хочет диктовать нам, что читать, – усмехается она и кладет свою липкую ладонь на мою руку. – Шучу. Просто день был тяжелый.

Ты строишь мне глазки, как в первый день в библиотеке – «пожалуйста, потерпи еще немного», – пока Меланда жалуется на своего мерзкого тренера, который попросил Грега, баристу в «Пегасе», не продавать ей печенье. Ты молча слушаешь и киваешь, будто психоаналитик.

– Зато Грег предупредил тебя. Поступил как честный человек.

– Ну да, – фыркает Меланда, – он смеялся, рассказывая мне об этом, а значит, и с тренером моим ржал... Хорошо, что его уволили.

Ты снова киваешь, доктор Мэри Кей Димарко, но стоишь на своем:

– Не забывай, Грег целый день за прилавком – чего только от людей не наслушается... Мне он показался хорошим парнем. К тому же, представь, если б он промолчал и ты ничего не узнала бы.

У тебя явно талант: ты сумела пристыдить ее, не обидев, и вот она уже самокритично называет себя в шутку Стервозой Злобиной, но теперь ты ее перебиваешь:

– Прекрати, Меланда. Кто из нас святой?

Я хочу содрать с тебя трусики на этом красном диване, но вместо этого просто согласно киваю и говорю:

– Точно, Мэри Кей.

Моя улыбка предназначена тебе, и Меланда чувствует ток между нами, чувствует, что она лишняя. Отводит глаза и делает вид, что осматривает закусочную. Ты слегка подталкиваешь ее:

– Ну, хватит о грустном. У тебя ведь на этой неделе свидание с парнем из Сети? Как его, Питер?

Меланда фыркает и не смотрит в глаза ни тебе, ни мне.

– Из Сети? Скорее, из свинарника! Он прислал мне скабресный анекдот о Золушке, и, разумеется, я сразу на него пожаловалась.

– Ты знаешь, как я отношусь ко всем этим приложениям...

Меланда ничего не отвечает, разворачивается ко мне, впивается взглядом и спрашивает:

– Ну а ты, Джо? Знакомишься по интернету?

Она не дура: видела, как я смотрел на тебя, и решила меня подловить, но я не стану вести себя словно последний засраец и высмеивать ее сомнительные привычки.

– Нет, но я бы зарегистрировался, чтобы написать Питеру пару ласковых.

Ты смеешься: тебе понравилась моя шутка, а Меланде – нет.

– Как мило... Вот только я не помню, чтобы просила кого-то за меня заступаться. Ясно?

Я не лезу в склоку. Представить страшно, сколько фоток с членами ей присылают в личку и как часто отказывают. Ты

берешь ситуацию в свои руки и меняешь тему.

– Слушай, Меланда, как там успехи у моей дочери? Только честно.

– Нормально.

Поворачиваешься ко мне и говоришь, что Меланда знает о Номи почти все. Для той это явно повод для гордости – она считает себя чуть ли не членом вашей семьи. Говорит, что Номи уже охладевает к Дилану Клиболду. Ты вздыхаешь с облегчением:

– Слава богу... Я надеялась, что она перерастет этот этап.

– Конечно, – вставляю я, потому что у меня тоже есть право голоса. – Взрослея, дети неизбежно проходят через разные этапы.

Меланда хмурится.

– Я бы не стала недооценивать чувства молодой женщины и называть их «этапом»...

Все-таки она меня ненавидит: на твою фразу ни слова не возразила, хотя, по сути, ты сказала то же самое, что и я. Да, не сидеть нам вместе втроем, попивая винишко, в обозримом будущем. Я все понял. Ты заботишься о ней, потому что она одинока и никому не нужна. Она рассказывает о том, какие идеи Номи предложила для ее воображаемого инкубатора, но для твоей дочери она не тетя Меланда, а просто надоедливая чужая тетка.

Ты чуть не подпрыгиваешь и кричишь:

– Шеймус! Мы здесь!

Теперь сомнений не осталось: это действительно испытание. Шеймус неспешно идет мимо столиков, улыбается, как политик, и жмет руки направо и налево своими мастурбационными лапами. «Как сушилка, Дэн, не барахлит?», «Здравствуйте, миссис Пи, я зайду посмотреть вашу печь». На нем майка и бейсболка с логотипом магазина (еще на лоб себе набей, придурок), и он слишком низок для тебя. Слишком угодлив. Но улыбается так самоуверенно, словно стоит ему захотеть, и ты упадешь в его объятия.

– Дамы, – говорит Шеймус. – Извините за опоздание.

Так и слышу голос Бога, когда Он создавал его: «Это-го сделаем коренастым коротышкой с непропорционально длинными руками и напыщенным голосом, отталкивающим женщин. Но жизнь там, внизу, не сахар, так что давайте подарим ему пронзительные голубые глаза и мощную челюсть, чтобы он не застрелился, земную жизнь пройдя до половины».

Однако не все так плохо. Я придвигаюсь к стене и оказываюсь ровно напротив тебя.

– Джо, – говоришь ты, – я так рада, что ты наконец познакомился с Шеймусом.

Звучит так, словно это он осчастливил меня своим присутствием, а не я его. Но я молчу и не возмущаюсь – ведь я Хороший Джо, добрый и веселый. Спрашиваю, ему ли принадлежит хозяйственный магазин, как будто это и так не понятно. Официантка уже ставит перед ним кофе, хотя он да-

же еще не сделал заказ. Шеймус смеется, самодовольный и напыщенный:

– Насколько я помню, числится за мной.

Вы трое принимаетесь сплетничать о каком-то бывшем однокласснике, который схлопотал штраф за вождение в нетрезвом виде. Ты не обращаешь на меня внимания, и мы сидим словно чужие – как это низко, использовать друзей, чтобы отшить меня! Я сижу, словно немой монах – совершенно лишний в вашей компании, – и мне стоило бы послать всех к черту и подать коллективный иск против Марты Кауфман и ее подельников за то, что они придумали «Друзей». А я теперь вынужден расхлебывать последствия. В «Кедровой бухте» главное и единственное, что волнует героев, – любовь. На протяжении всего сериала вы только и ждете, чтобы Джек и Оливия поскорее сошлись. В «Друзьях» совсем другое дело. Они промывают вам мозги, заставляя думать, что дружба важнее любви, а старые знакомые ценнее новых.

Я выдавливаю кетчуп на тарелку, ты протягиваешь руку и обмакиваешь в него свою картошку, восстанавливая близость между нами.

– Не против?

– Нет, конечно. Угощайся.

Шеймус морщит нос.

– Я такое не ем. Осваиваю сейчас «Мерф». Хочешь присоединиться, новобранец?

Протираю уголки рта салфеткой и вежливо интересуюсь:

– Что это?

Меланда утыкается в телефон, а Шеймус принимается «просвещать» меня, рассказывая о чудесах кроссфита и уверяя, что комплекс «Мерф» положит начало трансформации моего тела.

– У меня сейчас больше мышц, чем в старшей школе, – не унимается он, – и через пару месяцев – максимум полгода – у тебя, новобранец, будет не меньше, если начнешь качаться.

Меланда не слушает его болтовню, зато ты вся внимание (даже мою картошку перестала есть). Поддакиваешь ему и киваешь, как будто тебя реально интересуют эти идиотские комплексы упражнений (я-то знаю, что на самом деле нет). Вот почему люди не приводят друзей на первое, мать его, свидание, Мэри Кей.

Наконец ты прерываешь этого зарвавшегося коротышку и шлепаешь ладонью по столу.

– Стоп! Мы должны обсудить Кендалла.

– Ну уж нет. – Меланда отрывается от экрана. – Давайте лучше поговорим о Шив. Вот кто настоящая королева.

– О ком это вы? – пытаюсь я вклиниться в разговор.

Шеймус смеется:

– Ты что, не смотришь «Наследников»? Не может быть, новобранец. Ты же безработный. У тебя куча свободного времени!

Вы принимаетесь восторгаться неизвестным мне Кендаллом, которого я уже заранее ненавижу. Что за идиотское

имя? Как будто он кукла Кен-переросток. И вообще, бестактно обсуждать сериал в присутствии человека, который его не смотрел. Ты снова тянешься к моей картошке и не спешишь убирать руку. Я не могу долго на тебя злиться.

– Слушайте, – вклиниваюсь, – а кто-нибудь смотрел фильм «Глория Белл»?

Увы, снова мимо. Шеймус строит из себя крутого мачо:

– Судя по названию, сопливая мелодрама.

Меланда отмахивается:

– У меня нет времени.

А ты улыбаешься:

– Кто снял?

– Чилиец, Себастьян Лелио.

– Мужик рассказывает о жизни женщины. Как мило... – фыркает Меланда.

– Да, но Джулианна Мур играет просто невероятно. И диалоги на высоте... Не хуже, чем у Вуди Аллена.

Ноздри Меланды раздуваются.

– Ну все, – говорит она. – Я уйду.

Ты напрягаешься. Твоя подруга машет рукой официанту, чтобы ее рассчитали. Я должен все исправить. Быстро.

– Не злись. Я просто хотел сказать, что это классный фильм.

– Не одобряю ни Вуди Аллена, ни его искусство, – цедит сквозь зубы Меланда, не глядя на меня.

Ты вытаскиваешь кредитку из кошелька. Нельзя допу-

стить, чтобы наш обед закончился моим полным провалом.

– Я не защищаю Вуди Аллена. Просто имел в виду, что «Глория Белл» – хороший фильм.

– То есть для тебя Вуди Аллен – синоним качества? Отлично. Немного мужского шовинизма на десерт! Где мой счет?

Ты не вмешиваешься, а Шеймус хихикает, как восьмиклассник на уроке по половому воспитанию.

– Меланда, я правда думаю, что ты меня неправильно поняла.

– Куда уж мне с моим недоразвитым женским мозгом...

Шеймус уже в открытую ржет, а ты улыбаешься:

– Ребята, не ссорьтесь. Просто дело в том, Джо, что мы с Меландой по молодости так часто пересматривали «На пляже» и «Роми и Мишель на встрече выпускников», что пропустили много хороших фильмов. Да так и не наверстали упущенное.

– Подумаешь, – ворчит Меланда.

Но меня уже не унять:

– Я упомянул про Вуди Аллена только потому, что, как бы его ни ругали... В его фильмах много замечательных женских ролей. И Джулианна Мур вправду восхитительна в «Глории Белл».

Ты смотришь на меня с укором – хочешь, чтобы я остановился, но я уже не могу.

– Меланда, я уверен, этот фильм тебе понравится.

– Конечно, ты же у нас все знаешь!

Похоже, она решила выместить на мне обиду на всех негодаев, которые встречались на ее пути, – и кто может ее за это винить? Ты тянешься за моей давно остывшей картошкой – заесть стресс. Но я не позволю Меланде унижать меня, как Пич когда-то.

– Нет, – говорю я. – Ни один человек не знает всего.

– Ну да, – фыркает она, – куда уж мне, женщине... – И качает головой. – Библиотекарь, выгораживающий растлителя малолетних. Как мило!

Гномус оставляет двадцатку и быстро сваливает. Ты берешь счет. Меланда уже на ногах.

– Извини, немного погорячилась, – бросает она.

– Ничего, – говорю я, – не стоит.

– Вообще-то я не к тебе обращаюсь! – рычит она и смотрит на тебя с видом «нет, ты это слышала?». – Я всегда говорю своим ученикам, что нельзя отделить искусство от художника. И считаю, что мужчина не может хорошо рассказать историю женщины. А ты сам решай, новобранец. – Она поворачивается к тебе. – Готова, милая? Подвезти?

Ты смотришь на меня. Я отказываюсь:

– Спасибо. Лучше пройдуся.

– Правильно, надо же отработать съеденные углеводы, – ухмыляется Меланда.

Ты смотришь на меня, но сделать ничего не можешь. Она твоя подруга, старая, проверенная. Ты садишься к ней в ма-

шину, а я иду пешком. И это ад. Я провалил испытание – меня не приняли в братство, – а вернувшись, не застал тебя в библиотеке – ты уехала на конференцию в Поулсбо.

В конце смены я решаюсь прощупать почву и публикую в «Инстаграме» сцену в закусочной из «Эмпайр Фолз». И не проходит и пары минут, как «@ЛедиМэриКей лайкнула ваше фото».

Ты бы не стала этого делать, если б разочаровалась во мне. Значит, не все еще потеряно. И к тому же у нас есть книги. А как говорят в Бруклине, книги – это чудо. Мы – это чудо.

И вдруг ты пишешь:

«Понравился обед?:)»

Я знаю, что бестактно отвечать звонком на сообщение, но разве вежливо задевать парня, даже не переспав с ним? Выхожу на улицу и набираю твой номер.

Ты поднимаешь трубку после первого гудка.

– Привет!

– Удобно говорить?

– Я только что вернулась домой, но у меня есть пара секунд... Как дела? Всё в порядке?

– Это ты мне скажи.

– Ты про обед? Не волнуйся. Все прошло отлично. Меланда со всеми такая – ей лишь бы поспорить. Но ты ей понравился. Правда.

Тревога немного отступает, мышцы расслабляются.

– Слава богу. На минуту мне показалось наоборот, но раз

ты говоришь...

– Серьезно, Джо. Ты держался отлично. Меланда... Ну да, она немного погорячилась. Знаешь, она очень вспыльчивая, умная и...

Твоя дочь дома. Я слышу, как кто-то хлопает дверцами шкафчиков. И ты говоришь, что еще полно дел. И я поступаю так, как положено хорошему парню: отпускаю тебя. Кладу трубку и уже почти решаю пойти к твоему дому, чтобы разведать обстановку, но тут же вспоминаю, что вокруг полно не в меру любопытных соседей, любящих совать свой нос в чужие дела, и если они заметят, что я околачиваюсь рядом с твоим домом, то непременно позвонят и сообщат, что у тебя во дворе прячется «странный мужик». (Уважаемые жители Бейнбриджа, начните уже жить собственной жизнью.) Нет, Мэри Кей, у нас с тобой все должно быть иначе. Я сам должен стать иным. Если я буду подглядывать за тобой издали, то превращусь из человека, который участвует в твоей жизни, в постороннего, который пялится внутрь через непреодолимое стекло. Я не хочу этого для нас и знаю, что ты тоже.

Поэтому я принимаю единственно верное решение – возвращаюсь к себе, но даже там не чувствую себя дома, потому что семья Говноглазки играет в мяч на газоне у меня перед окнами (какая скука). Беру кофе и спускаюсь вниз – в комнату, ради которой я и выбрал этот дом. Она называется «Комната шепота». Достаточно погасить свет, закрыть за собой дверь – и окружающий мир перестает существовать.

Внутри не долетает ни одного звука, и снаружи не слышно, что творится за стенами, обшитыми тканью. Храни Бог того, кто придумал звукоизоляцию. Лав, когда увидела фотки на сайте, сказала, что комната выглядит жутко, и назвала ее клеткой. Но ты, Мэри Кей, другое дело. Ты сразу меня поняла. Узнав, где я живу, сразу заговорила об этой комнате и о том, как в ней здорово. Ты знала бывших владельцев этого дома и проводила здесь время. Я делаю глубокий вдох – возможно, здесь еще сохранился твой запах. Надо набраться терпения. Ты действительно моя суженая. Просто придется приложить чуть больше усилий.

Я включаю «Наследников» и принимаюсь качать пресс. Этот ваш Кендалл – рохля. У него невыразительные плечи и глаза как у бассета. Бьюсь об заклад, он не читал ни «Эмпайр Фоллз», ни уж тем более «Прошлой ночью в “Лобстере”» Стюарта О’Нэна, которые я включил в ассортимент своего отдела «Тихие голоса». Начинают вырабатываться эндорфины (кое в чем Гномус понимает), и я уже больше не хочу подавать в суд на Марту Кауфман. Напротив, хочу послать ей цветы, потому что она и ее «Друзья» научили нас, что настоящие отношения строятся не за один день, что иногда люди заводят детей не от тех партнеров и влюбляются не в тех, кого надо, но в конечном итоге находят свою судьбу.

И моя судьба – ты.

4

После свидания, на котором ты устроила мне засаду, прошло уже два дня, и все это время я за тобой не следил. Вел себя примерно. Пойдя против собственных инстинктов, начал заниматься кроссфитом, чтобы подружиться с Гномусом – и заодно не спускать с него глаз. Каюсь, Мэри Кей, я немного в тебе разочаровался. Подростковое стремление быть частью группы тебя не красит, ты же взрослая женщина. Опытный специалист, выпускница университета. Впрочем, всю жизнь ты проторчала на чертовом краю земли среди недоумков. Я отрываю бирку от новенького черного кашемирового свитера – моего подарка тебе, нам обоим. Сегодня ты увидишь свет в конце туннеля.

Потому что вечером у нас свидание, неудачники!

Твое приглашение было таким трогательным... Утром я заметил, как ты разглаживаешь наклейку на мисс Телеггинс. Я наклонился, чтобы рассмотреть надпись – «Будущее за женщинами». Ты не отпрянула, и я придвинулся ближе.

– Кто позволил тебе осквернять почтенную мисс?

Хихикнув, ты выпрямилась, расправила юбку и посмотрела на телефон.

– Мне, пожалуй, пора. Сегодня в винном баре собрание книжного клуба...

Я улыбнулся – ох уж мне этот Бейнбридж, местным не ме-

шало бы посмотреть фильм «Коктейль». Ты сообщила мне, куда идешь, – значит, хочешь, чтобы я знал.

– Винодельня открыта до одиннадцати, – добавила ты, и твой голос дрогнул от волнения. Как мило. – Но я должна освободиться к десяти.

Ты помахала мне на прощание и наклонилась, чтобы подтянуть чулок, приковывая мой взгляд к своим ножкам.

Я все понял, Мэри Кей, и принял твое приглашение.

И теперь я жду тебя в небольшом магазинчике через дорогу от бара. Наконец ваше собрание подходит к концу: мелькают кредитки, звучат притворные обещания скорой встречи. И почему вы, женщины, так много лжете друг другу?

Осторожно выбираюсь из своего укрытия, прохожу пару домов и замедляю шаг – ты меня замечаешь.

– Джо? Вот это да!

Переходишь улицу на красный – благо здесь не чертов Лос-Анджелес и никакой офицер Финчер не выпишет штраф, – и, окрыленный, я спешу тебе навстречу. Может, обнимешь? Нет, ты меня не обнимаешь. Я киваю в сторону бара, который для нас присмотрел, – не дурацкую винодельню, а нормальный паб.

– Пойдем, – предлагаю. – Пропустим по стаканчику.

Ты теребишь сумку.

– Вероятно, мне лучше пойти домой... Мы и так сегодня засиделись.

Я и не ждал быстрой победы, твой вероятный диагноз мне

давно известен. Вероятно, у Шела Силверстейна вышло бы отличное стихотворение о невероятной женской потребности рассуждать о том, как обязана поступать «настоящая леди». Ты все еще колеблешься. Черт возьми, о чем тут думать? Мы соседи. До твоего дома рукой подать, и до паба рукой подать, а твоей дочери не шесть лет, тебе не надо торопиться, чтобы отпустить няню. Но ты вся напряглась.

– Не знаю, Джо...

Неужели книги Лизы Таддео ничему тебя не научили? Давай же! Хватит уже мучиться чувством вины. Я – мужчина твоей мечты. Невозмутимый. Галантный.

– Как жаль, – вздыхаю. – Я надеялся, ты и для меня устроишь заседание книжного клуба... Кстати, оно стало бы для меня первым в жизни.

– Ладно. – Твое напряжение наконец спало. – Не могу лишиться тебя этого удовольствия. Только один бокал. Один!

Все так говорят, хотя сами в это не верят. И я распахиваю перед тобой дверь в «Харбор паблик хаус». Тыходишь – теперь мы пара. Пока идем к столику, я говорю, что мне очень понравились твои друзья. Ты раздуваешься от гордости.

– Они милые, правда?

Ты опускаешься на диванчик, я сажусь напротив.

– Ты была права. Меланда не злится. Она подписалась на меня в «Инстаграме»...

Небольшая ложь во благо. Конечно, я подписался на нее первым, но она сразу ответила тем же.

– Разговор с ней заставил меня о многом задуматься... – Ха! – Идея инкубатора просто замечательная. – Ну да, как будто плакаты приносят пользу хоть кому-то, кроме самой Меланды. – Ты тоже в восторге, так ведь?

Я-то знаю: на самом деле ты в восторге от меня. Поэтому я рядом с тобой, за одним столиком, ближе некуда.

– Да, – ты киваешь, – она классная. У нее четкая жизненная позиция.

– Очень четкая. Твои друзья – хорошие люди.

Ты улыбаешься. Я улыбаюсь в ответ. Огонь между нами уже нельзя не заметить. Ты оглядываешься вокруг и понимаешь, что мы в зале почти одни – кроме нас, за столиками лишь два или три парня в шерстяных шапочках, как у моряков. Мы снимаем пальто; мне становится очевидно, что ты слегка пьяна. К нам подходит официантка, похожая на грушу тетушка почти пенсионного возраста. Я прошу меню, ты пожимаешь плечами.

– Я уже ела. Вероятно, мне стоит обойтись стаканом воды.

Я намерен сопротивляться твоему очередному приступу «вероятности».

– А я закажу что-нибудь поосновательней.

В конце концов ты просишь принести текилы – интригующе! – а я беру сэндвич с жареной курицей и местную водку с содовой. Ты обещаешь снова украсть у меня картофель фри, затем переплетаешь пальцы, словно на собеседовании, и спрашиваешь:

– Как обживаешься на новом месте?

– Так и знал! – откликаюсь я. – Всегда догадывался, что в книжном клубе говорят вовсе не о книгах.

Алкоголь развязал тебе язык, но все же заметно, что ты нервничаешь, – как-никак первое свидание наедине. Болтаешь о Билли Джоэле – тебе всегда нравилась его песня про итальянский ресторан, – а сама тем временем отправляешь дочери сообщение и убираешь телефон в сумочку. Затем переходишь наконец к книжному клубу: рассказываешь, как моя соседка Говноглазка раскритиковала сегодняшнюю книгу. Мы сходимся на том, что такая въедливая Нэнси найдется везде, и я вспоминаю о встрече с писателем, которую проводил в Нью-Йорке, а очередная Нэнси пристала к автору с целым списком замечаний. Разговор, пусть и не слишком личный, течет непринужденно. К тому же мы впервые тет-а-тет, в полумраке, на одном диване.

– Слушай, давай начистоту, – вдруг заявляешь ты. – Я поняла, что в Нью-Йорк или Лос-Анджелес ты больше не вернешься, и все никак не могу перестать о тебе думать... – Наконец-то призналась: – Я чувствую, ты что-то недоговариваешь. Одинокий парень покупает дом в Бейнбридже... Ну, и как ее зовут? Из-за кого ты здесь оказался?

Я издаю тяжкий стон, как любой парень, которого допрашивают о прошлом, но ты настаиваешь. Понимаю; ты ведь битых три часа провела в компании женщин, знакомых тебе со школьной скамьи, их мужей и жен...

– Ну же, почему ты удрал? – умоляешь ты. – От кого убегаешь?

Сладкий сон – ты хочешь знать обо мне все – превращается в кошмар, ведь я не могу рассказать тебе все. Я уже научен горьким опытом, спасибо Лав, однако отношения зайдут в тупик, если ты не узнаешь, почему я такой, какой есть: привлекательный, свободный, надежный.

Я начинаю с самого начала, с моей первой нью-йоркской любви. Признаюсь, как сильно был влюблен в Хизер (то бишь в ныне покойную Кейденс). На первый взгляд я испытывал всего лишь влечение. Впервые увидев Хизер на сцене, хорошенькую, будто Линда Ронстадт⁷, я долго пытался поймать ее у театра.

Ты протираешь свой стакан салфеткой.

– Ничего себе! Ты ради этой девушки из кожи вон лез...

– Я был молод. В юности все по-другому. Каждая любовь – настоящая одержимость.

Ты киваешь, но явно ревнуешь меня к женщине, которой я был одержим. Я делаю глоток водки, давая тебе возможность представить меня в постели с Линдой Ронстадт, а потом произношу то, что ты хотела услышать: Хизер разбила мне сердце. Ты оживляешься, просишь рассказывать дальше, и я описываю день, когда меня бросили.

– Мы планировали жить вместе, я искал квартиру на

⁷ Линда Ронстадт (р. 1946) – американская певица и автор песен, стоявшая у истоков кантри-рока.

Брайтон-Бич, – начал я, вспоминая тот день на пляже. – Стояла жаркая летняя ночь. Никогда не забуду ужасный запах и комаров...

Ты довольна тем, что другая девушка сделала меня несчастным, но делано надуваешь губы.

– Не разрушай манящий образ Нью-Йорка, Джо!

Я говорю, что Хизер рассталась со мной голосовым сообщением в тот момент, когда я смотрел квартиру. Ты сочувственно вздыхаешь – «да ты что!» – и мой мягкий, полный щемящей нежности смех дает тебе понять, что времени прошло достаточно и я готов любить как никогда прежде.

– Такие дела.

Приносят мой сэндвич. Ты тут же хватаешь с тарелки картошку фри.

– Вот это да... Значит, ты остался без девушки и без квартиры?

Я откусываю сэндвич, ты снова тянешься за картошкой. Мы дружно жуем. Знаю, ты не откажешься от бекона, и я вытаскиваю его из недр сэндвича, как деревянный брусок из башни «Дженга». Ты берешь бекон, он хрустит у тебя во рту.

– Если ты осуждаешь Хизер, послушай теперь про Мелиссу.

Ты потираешь руки, что выглядит забавно. Рассказывать тебе о Мелиссе (то бишь ныне покойной Бек) – словно испытать катарсис. В этой версии я работал официантом в закусочной Верхнего Вест-Сайда, а Мелисса там однажды обеда-

ла и написала мне свой телефон на чеке. Ты делаешь огромный глоток из стакана – честно говоря, довольно агрессивно, – и я добавляю, что Мелисса была для меня слишком незрелой. Твои щеки пунцовеют. Тебе нравится, что я анти-Шеймус, что мне нужна женщина, а не юная нимфетка, которой можно было бы похвастать перед друзьями, как трофеем.

– Да, слишком незрелая, – повторяюсь я. – Я надеялся, в душе она старше. Ее любимой книгой были «Отчаянные характеры»⁸.

Ты напрягаешься, чувствуя угрозу. Я говорю, что, судя по нашей с Мелиссой истории, схожесть книжных интересов еще ничего не гарантирует. Мелисса могла бы стать отличной фехтовальщицей, однако ей мешали созависимые отношения с лучшей подругой Эппл (то бишь ныне покойной Пич Сэлинджер).

– Но проблема была даже не в этом, – сокрушаюсь я. – Просто Мелисса любила только одного человека, одного-единственного.

– Мелиссу, – произносим мы хором.

Ты мне сочувствуешь. Я прошел через множество микропредательств Мелиссы. Пытался о ней заботиться, помогал сосредоточиться на фехтовании (писательстве). А потом она мне изменила. Переспала со своим тренером (психологом).

⁸ «Отчаянные характеры» (Desperate Characters) – роман американской писательницы Полы Фокс.

Ты опускаешь голову на руки и восклицаешь:

– О нет! Боже, какой ужас, какой цинизм!

– Знаю.

– С тренером!

– Знаю.

Я жую сэндвич, а ты смотришь на меня так, словно я должен разрыдаться.

– На самом деле все не так уж плохо, – искренне говорю я. В конце концов, все дороги вели меня к тебе. – Когда тебе разбивают сердце, приятно сознавать, что оно у тебя хотя бы есть. – Я не готов рассказывать об Эми и Лав, поэтому перехожу от историй к философии. – Все будут неподходящими, пока не найдешь нужного человека. – Ты потираешь безмянный палец, на котором нет кольца. – Я не злорадствую, Мэри Кей. Надеюсь, у моих бывших все хорошо. – Ну да, в райских кущах или где они там... – Надеюсь, каждая из них найдет своего человека.

Я возношу молитву всемогущему и откусываю большой кусок от сэндвича.

Ты подаешь официантке знак, что пора наполнить наши стаканы, – самое время! – и восхищаешься моим здравомыслием. Отвечаю, что тут нет ничего такого.

– А вы с Номи... – осторожно начинаю я. Дверь в твое сердце сейчас приоткрыта благодаря текиле и подробностям моей личной жизни, и ты наконец готова меня впустить. – Вы словно девочки Гилмор во плоти. Что за история?

Ты тяжело вздыхаешь. Обводишь взглядом паб – никто не подслушивает. Рядом никого нет. Понимаю, свидания даются тебе нелегко, но это необходимый шаг. Ты тоже понимаешь.

– Я была молода, и моя жизнь... – Ты собираешься с духом. – В общем, я же рассказывала тебе о родителях?

– О маме Мэри Кей и дражайшем папеньке?

– Ага, – улыбаешься ты.

– Ты переехала сюда из-за отца? Что он натворил?

Я чую луковый запах: мы снимаем слой за слоем, обнажая истину. Ты говоришь, что развод грянул как гром среди ясного неба. Ни скандалов, ни измен.

– Будто мама однажды проснулась и осознала, что ей больше не нужен розовый «Кадиллак». И отец тоже.

– Наверняка были знаки.

– Я не замечала, – отвечаешь ты. – Ты умеешь видеть знаки? Читать людей и все такое?

Да.

– Ну, может быть.

– Думаю, все мы видим лишь то, что хотим видеть. – Ты снова нервно озираешься, словно кто-то из посетителей может сообщить Номи о нашем свидании. Потом снова расслабляешься. – Короче, моя мать объявила, что с «Мэри Кей» покончено, что мы переезжаем на остров Бейнбридж и что она жаждет встречи с природой.

– И ты не знаешь, почему она ушла от твоего отца?

– Понятия не имею. Развод прошел мирно. Ни битвы за опеку, ни ссор. Отец даже отвез нас в аэропорт! Представляешь, он поцеловал нас на прощание, как будто мы собрались в небольшой отпуск. И мы оставили его в полном одиночестве. Мать сделала меня соучастницей. Но жаловаться было бы несправедливо – ведь, как я и сказала, все прошло мирно.

– О господи... – Я сочувствую тебе. Честно.

– Мама всегда чуть ли не заставляла меня пользоваться подводкой для век, а потом вдруг... Мы здесь, и она заявляет, что можно обойтись и без помады. Я не спрашивала, почему мы переехали, и все же... Мою мать словно подменили – что может быть страшнее?

Я вспоминаю о Лав, о моем бессилии, о ее слепой решимости сделать нашего ребенка только своим.

– Я тебя понимаю.

– А потом, после всей этой драмы, она каждую ночь звонила отцу и уговаривала его хорошо питаться.

– Странно.

– Ты тоже так думаешь? А ведь тогда не было мобильных телефонов, я даже не могла позвонить друзьям. Здесь я еще никого не знала. Мне было так одиноко! А мама сидела в своей комнате, разговаривала с отцом, позволяла ему делать ей комплименты, будто их брак не распался. Я помню, как подумала, мол, ого, ты же его бросила... Ты переехала в другой штат. Но ты не в состоянии оставить мужчину даже после развода.

– Охренеть!

Ты салютуешь мне пустым стаканом.

– Впрочем, друг мой, информации на сегодня слишком много.

Мы перекидываемся парой шуток, и ты снова просишь официантку повторить напитки – поток наконец сломал плотину.

– Получается... Ну, знаешь, бывают фиктивные браки. А как насчет фиктивного развода?

– Хороший термин.

Ты не отрываешь взгляд от стола, пока официантка наполняет наши стаканы, затем благодаришь ее и делаешь глоток.

– Я просто хочу понять, зачем она вообще подала на развод, если собиралась до конца жизни вести с отцом душевные беседы по телефону? Почему она не осталась рядом с ним, если уж на то пошло? Зачем перевернула мою жизнь с ног на голову?

Я молчу. Ты ведь и не ждешь ответа. Тебе нужно, чтобы тебя выслушали.

– Оглядываюсь назад и не понимаю, как я выжила. – Ты вздыхаешь. Сейчас твое сердце наполняется самым сильным сочувствием – сочувствием к самой себе. – Мы с мамой без конца ругались. Однажды я так разъярилась, что швырнула в нее телефонный аппарат, и у мамы на лбу остался большой шрам. Ей пришлось прикрывать его челкой. – Я улыбаюсь, а ты хмуришь лоб. Все верно, насилие в отношении женщин –

плохо. Даже если совершаешь его ты сама. – В общем, похоже на «Серые сады»⁹, только никакого веселья. – Я люблю тебя. – Хотела бы я, чтобы Бейнбридж походил на Кедровую бухту, но здесь нас никто не ждал с распростертыми объятиями. – Ты отхлебываешь текилы. – И однажды Меланда пригласила меня на обед. Рассказала о своих далеко не образцовых родителях... – Следовало догадаться, ведь они назвали дочь Меландой. – Я рассказала о своих. Она меня успокоила – мол, я хорошо впишусь в местное общество, потому что все жители острова в чем-то когда-то напортачили, хоть и отрицают это... Не знаю. Моя жизнь возобновилась. Меланда стала моим громоотводом. Показала мне граффити в Форт-Уорде. И эти граффити... Ну, помогли. И до сих пор помогают.

– Как это?

– Они похожи на незаконченный диалог. У нас с мамой так и не нашлось времени, чтобы наладить контакт. А теперь я езжу в Форт-Уорд, и мы как будто разговариваем, хотя ее давно нет. Может, она когда-нибудь появится в небе и скажет, что я не обречена испортить жизнь своей дочери так же, как она испортила мою... – Вот почему ты избегаешь отношений... Ты пожимаешь плечами. – Не знаю. Наверное, я уже пьяна.

⁹ «Серые сады» – американский документальный фильм 1975 г., рассказывающий об Эдит Бувье Бил, двоюродной сестре Джеки Кеннеди. В молодости она блистала в светском обществе, а в старости превратилась в затворницу и доживала свои дни с матерью в полуразрушенном особняке.

Ты не пьяна. Тебе просто некому излить душу. Смотришь на меня – не веришь, что я наконец-то рядом – и ухмыляешься. Не веришь, что я все еще рядом.

– Довольно грустная история, да?

– Нет, – откликаюсь я, – это история про жизнь.

Я попадаю в точку, и ты смеешься.

– Что ж, я поклялась никогда не поступать так с Номи. Никогда.

Ты осекаешься. Почувствовала себя со мной в безопасности и забыла, где мы находимся. Окидываешь взглядом паб, утираешь выступившие слезы и фыркаешь.

– Иногда мне кажется, что я забеременела, только чтобы разозлить маму. Чтобы напомнить ей: когда ты действительно кого-то любишь, ты с ним, ну, трахаешься, а не просто болтаешь по телефону... – Вот теперь ты слегка опьянела. – И когда занимаешься сексом, бывает, презерватив рвется. Се ля ви.

– Ясно, – говорю.

Ты снова тревожно озираешься.

– Да, момент был явно неподходящий... Но я изо всех сил стремилась создать свою маленькую семью, будто желая получить хоть один повод для гордости.

– Так и вышло.

– Ты видел мою дочь?

– Ладно тебе. У тебя классная дочь. И ты это знаешь.

Знаешь. И тебе важно быть в моих глазах хорошей мате-

рю, потому что тогда ты позволишь мне абсолютно все. Мы топчемся на месте, даже после твоих откровений. Ты сдержанно сообщаем об отце лишь то, что он часто тебе звонит.

– Я не всегда отвечаю. У меня Номи, у меня работа, а каждый разговор с ним заканчивается разочарованием. Я не такая, как мама.

– Ты совершенно другая.

– Я не могу всю ночь висеть на телефоне. И не буду так поступать с Номи.

Ты думаешь, что все мужчины представляют угрозу для твоих отношений с дочерью, и я намерен тебя переубедить.

– Уверен, он все понимает.

– Я лишь хочу... Я не буду так поступать с дочерью. Не позволю своей личной жизни разрушать ее жизнь.

Ты винишь себя в том, что твой отец несчастен, и я тебе сочувствую. Отодвигаю тарелку. Ты смотришь на меня. Нуждаешься во мне.

– Послушай. Нельзя помочь тому, кто не желает быть счастливым. – Привет, Кейденс. – Нельзя показать свет тому, кто предпочитает темноту. – Привет, Бек. – А если ты все же попробуешь, то вскоре сама заплутаешь. Будешь принимать одно неверное решение за другим. – Я, например, переехал в Лос-Анджелес из-за Эми, вот же глупость... – А потом ты увязнешь. – Как я увяз в отношениях с Лав, из-за сына. – Как бы ни было сложно, ты должна признать, что правильного ответа не существует. Ты не можешь спасти отца от него са-

мого.

Бар понемногу пустеет.

– Ого, – выдаешь ты, потирая шею, – а я-то думала, мы просто посплетничаем про «нафталина»...

Теперь ты официально пьяна. Обмякшие руки, полуоткрытые губы – и я все еще тебя хочу. Ты начинаешь рассказывать длинную историю о своей подруге из Аризоны, но не можешь вспомнить ее имя и сокрушаешься, что порой чувствуешь себя предательницей. Ты сожгла все мосты к прежней жизни в пустыне и прилетела сюда, словно феникс из Финикса.

– Мы похожи, Мэри Кей. То, что мы смогли оставить прошлое в прошлом, не делает нас социопатами.

Ты подмигиваешь мне, подняв свой стакан.

– Будем надеяться.

Мы ближе, чем можно представить. Ты подпираешь подбородок рукой.

– Скажи мне, Джо, – призывно мурлычешь ты, заставляя думать о твоей мураками, спрятанной под одеждой. – Тебе хорошо в библиотеке?

Я чувствую, как тебе сейчас хорошо.

– Да, мне хорошо в твоей библиотеке.

– А своим начальником ты доволен?

О, становится весело... Я разглядываю кубики льда в своем коктейле.

– По большей части.

– Неужели? – отзываешься ты, и меня охватывает азарт. –

Мистер Голдберг, у вас есть претензии к руководству?

– Претензии – слишком сильно сказано, мисс Димарко.

Ты облизываешь губы.

– Вы скажите мне свою жалобу.

– Как я и сказал, у меня нет жалоб. Я просто хочу большего, Мэри Кей.

– Чего именно, мистер Голдберг?

Скинув под столом туфли, ты проводишь ногой по моему бедру, и я прошу у официантки счет. Расплачиваюсь быстро, наличными, сдачи не надо. Встаю. Ты встаешь. Сообщаешь, что тебе нужно в уборную, официантка показывает на дверь слева, и ты идешь туда, закрываешь дверь, а потом снова открываешь.

Затем вцепляешься в мой черный свитер, втаскиваешь в туалет, прижимаешься ко мне всем телом, толкаешь меня к стене. Картины на стенах полны страсти. Нагота и соленая вода. Обнаженная женщина среди волн. Она обнимает за плечи напуганного моряка. Это кораблекрушение. Это мы. Разбитые. В поисках пристанища. Ты целуешь меня, я целую тебя, и твой язык у меня во рту ведет себя бесцеремонно – свистать всех наверх! – и ты отдаешься на волю моря невероятности. Мои руки скользят тебе под юбку – на тебе лишь колготки, без трусиков, – и мой большой палец нащупывает твой лимончик. Ты льнешь ко мне. Слова льются из тебя потоком. Ты хотела меня на том красном ложе, ты кусаешь мой

свитер – этот свитер сводит тебя с ума; в воде вспыхивают искры – это мы горим, – и ты как последняя страница «Улисса». Ты впиваешься в меня. «О боже, Джо... О боже...»

И вдруг ты отстраняешься. Золушка услышала, как часы бьют полночь.

Вспоминаешь, кто ты такая. Мать. Мой начальник.

И исчезаешь.

5

Знаю-знаю. Всего лишь поцелуй. Я лишь едва дотронулся до твоей мураками и даже не лизнул твой лимончик, но все-таки... О боже, Джо. О боже. Что за поцелуй!

Когда рядом правильный человек, ты совершаешь правильные поступки, и я принял разумное решение отпустить тебя домой. Сам же отправился в «Комнату шепота» и послал благословения всем неподходящим женщинам, что были до тебя. Тогда я понял. Разумеется, ты сбежала. Настоящую любовь принять непросто, особенно в нашем возрасте.

Я не заскочил в «Пегас» по дороге на работу (мой сегодняшний кофеин – твой поцелуй), и да, ты оттолкнула меня, однако в этом вся суть зрелой любви, тем более когда в историю вовлечены дети: притянуть, оттолкнуть, притянуть, снова оттолкнуть... Я открываю дверь в библиотеку – притянуть – и не обнаруживаю тебя у стойки, а сегодняшняя «нафталина» явно меня недолюбливает. В день нашего знакомства она спросила, имею ли я отношение к известному ресторатору Голдбергу, и когда я ответил отрицательно, стала воротить от меня нос. «Нафталина» кивнула на кресло Номи.

– Не мог бы ты его передвинуть? У окна слишком холодно.

Я перетаскиваю гребаное кресло к стеллажам, хватаю

свой обед – мы с тобой будем есть и говядину, и брокколи – и говорю «нафталине», что скоро вернусь, а та закатывает глаза. Невежа.

– Жаль тебя огорчать, но твоя подружка сказала по телефону, что заболела.

Нет. Нет! «Нафталина» просто издевается.

Ты не больна. Я иду в комнату отдыха; где же ты? Неужели вчера перепила? Наш поцелуй опьянил тебя не хуже текилы? Устремляюсь мимо книг Силверстайна напрямиком в твой кабинет – дверь заперта. На чердаке тоже темно. Ты не больна. Ты испугалась.

Я занимаю свой пост в «Художественной литературе». День тянется бесконечно. Я рекомендую недавно овдовевшей бухгалтерше что-то из Стюарта О'Нэна и уговариваю лесбиянку, оказавшуюся в городе случайно на один день, прочесть первую главу «Жертвы моды» Амины Ахтар. Я отлично справляюсь со своей работой, но в твоём присутствии способен на большее. Весь день я не выпускаю из рук телефон, ты мне не пишешь, и я не пишу; впрочем, ты же меня поцеловала, так что, может, теперь очередь за мной, и я пытаюсь подобрать слова.

Привет.

Чересчур банально.

Эй.

Чересчур нахально.

Ты там?

Чересчур напористо.

Я тут.

Чересчур убого.

Ненавижу смартфоны, потому что, будь на дворе начало девяностых, никаких идиотских телефонов не было бы и в помине, а сейчас – ты проболталась Меланде о нашем поцелуе? Она уже промыла тебе мозги? Я выхожу в японский сад. Мог бы отработать смену потом – я всего лишь волонтер – и сейчас стоять под твоими окнами, как Джон Кьюсак¹⁰ перед расставанием, но я не могу так поступить, потому что в этом году школу заканчивает Номи, а не ты. И я бездействую. Не стою под окнами и не краду телефон, больше нет. Проверяю твой «Инстаграм» – ничего; проверяю «Инстаграм» Сурикаты – о тебе ничего, только фотография Клиболда. Я мог бы отправить тебе кадр из «Истории любви», однако не хочу выглядеть придурком в твоих глазах. И прилипалой.

Мне нужно поговорить с тобой прямо сейчас: чем дольше мы порознь, тем больше наш поцелуй кажется лишь пятнышком на лобовом стекле, которое легко стереть салфеткой; и я хочу знать, почему ты прячешься.

В конце бесконечной смены я прокрадываюсь обратно в комнату отдыха и гадаю, не перестарался ли с языком во время поцелуя, – и вдруг дверь открывается. Это ты. У тебя

¹⁰ Джон Кьюсак (р. 1966) – американский актер, сыгравший главную роль в фильме «Скажи что-нибудь» (1989 г.). Его герой влюбляется в свою одноклассницу, которая после выпуска из школы планирует учиться за рубежом.

опухшие глаза, но ты натянута улыбаешься.

– Привет.

– Привет, – отзываюсь я. – Ты пришла.

Может, обнимешь? Нет, ты меня не обнимаешь. На тебе выцветший зеленый свитер, улыбка сползла с твоего лица. Ты грызешь губу – явно не выспалась – и говоришь, что просто заскочила забрать кое-какие вещи. Ты сидишь напротив, и мы будто два «нафталина», сравнивающих результаты своих анализов крови, будто ты не впивалась мне в язык несколько часов назад. Я склоняюсь над столом, чтобы приблизиться, а ты отшатываешься. Холод. Если не хуже.

– Слушай, меньше всего я хочу, чтобы ты испытывала неловкость, – произношу я.

– Знаю, – отвечаешь ты. – Взаимно.

Я молчу. Ты молчишь. Ты так много рассказала мне вчера, но у меня возникает тошнотворное чувство, что ты рассказала не все, а только часть истории. Ты смотришь на меня, словно подготавливая к какой-то новости. Плохой новости. Худшей в мире новости.

И вот они. Предательские слова.

– Джо... мы не можем. Ты ведь никому не сказал?

– Конечно нет, Мэри Кей. Ты же знаешь, я бы никогда так не поступил...

Слишком явное облегчение на твоём лице.

– Это хорошо... Если здесь кто-то узнает, если кто-то расскажет Номи...

– Мэри Кей, взгляни на меня. – Ты поднимаешь на меня глаза. – Мой рот на гребаном стальном замке. Даю слово.

Ты немного успокаиваешься, хотя еще изредка вздрагиваешь и оглядываешься, как перепуганный узник Распятого острова¹¹. Ты велишь не перебивать тебя. Говоришь, что прошлой ночью выпила лишнего и совершила ошибку (нет) и что не могла мыслить ясно (очень даже могла), а я возражаю, что все было идеально.

– Я уж точно не идеальна.

Мои слова звучат лживо, я и сам знаю, что ты не идеальна. Я тоже не идеален, только говорить, что вместе мы идеальны, слишком тупо и банально.

Ты поджимаешь губы, еще опухшие после нашего поцелуя. Моего поцелуя.

– Давай просто вернемся к обычной жизни? Ну, знаешь... как раньше.

Я киваю, словно дрессированный тюлень, которому не выжить в дикой природе и остается лишь послушно кивать.

– Ты абсолютно права, – соглашаюсь я. – Нам ведь некуда спешить. Можем двигаться постепенно. Я тоже не хочу торопиться.

Это откровенное вранье, и ты начинаешь кудахтать:

– В том-то и дело, Джо. Ничего нет, и не будет. У меня дочь.

¹¹ «Распятый остров» – роман-антиутопия американского журналиста Конде Бенуа Паллена, опубликованный в 1920 г.

– Я знаю.

– Я не могу заявляться домой пьяной среди ночи. Она должна быть на первом месте.

– Разумеется, Номи всегда на первом месте. Я знаю.

Ты закрываешь лицо руками и говоришь, что сейчас не готова к эмоциональной привязанности, а мне хочется взять кувалду и разнести к чертям лобовое стекло, потому что наш поцелуй ты притянула за уши к дочери. Ты отнимаешь руки от лица.

– Она в выпускном классе, Джо, и я не хочу пропустить ни единой минуты... – Тогда не просиживай две ночи в неделю за барной стойкой вместе с Меландой. – Я ей нужна. У нее не так уж много друзей. – Ты вырастила самостоятельную дочь, которая любит читать. Ну и что с того, если она нуждается в общении с людьми меньше, чем ты? Я в ее возрасте был таким же. – Ты думаешь, она уже взрослая, одной ногой в колледже... Но время летит незаметно, уже почти День благодарения, и через несколько месяцев она уедет. И я не могу что-то кардинально менять в своей жизни, когда перемены и так уже на пороге. – Ха! Как будто я требую разрешения на следующей неделе нарезать для всех нас индейку на праздничном столе. Ты ошибаешься, сильно ошибаешься, и ты вздыхаешь. – Понимаешь меня?

– Конечно, Мэри Кей. Ты права, не будем спешить. Отложим до лучших времен.

Ты улыбаешься.

– У меня гора упала с плеч! Спасибо, Джо.

Ты выигрываешь, потому что организовала мне боксерский поединок – против Номи, – и я не смог нанести ни одного удара. И все же ты пришла и стала оправдываться, потому что я тебе небезразличен и ты хочешь, чтобы я ел твою куриную грудку и трогал твою мураками. Да, твоя речь звучала фальшиво, Мэри Кей, ведь в глубине души ты знаешь, что уже принадлежишь мне.

Наши стулья поскрипывают, когда мы встаем, и ты понуро опускаешь взгляд.

– Ты меня ненавидишь?

Ох, ну ты же выше этого... Ты не задаешь глупых вопросов. Но я даю тебе глупый ответ, который ты сейчас заслужила.

– Конечно нет. Ты же сама знаешь.

Затем ты закусываешь губу и произносишь худшее слово из всех существующих:

– Друзья?

Ты не сможешь втиснуть меня между Шеймусом и Меландой, Мэри Кей, и мы не друзья. Ты хочешь меня трахнуть. Однако я жму твою руку и, подыгрывая тебе, как во второсортном сериале, повторяю слово, которое к нам неприменимо:

– Друзья.

6

Я выхожу на улицу. Иду и иду, мизинцы на ногах горят (эти кеды для красоты, а не для долгих прогулок). Прохожу мимо твоего дома, хотя надо бы зайти, хотя я действительно дал маху вчера вечером и сегодня. Надо было сорвать с тебя колготки целомудрия. Надо было пригласить к себе или пойти к тебе домой, а теперь поздно, теперь я мужик. Да, Бейнбридж тихий городок, но разве я написал тебе сообщение, чтобы спросить, как ты добралась?

Не-а.

Ты выпила, но разве я настоял на том, чтобы тебя проводить?

Не-а.

Захожу в кофейню «Дрозд». Здесь вся говноглазая семейка во главе с дедулей – этот остров чертовски мал, их чертовски много, а я один, и я пью кофе, сидя на уличной скамейке.

Захожу в «Инстаграм». Плохой Джо. Скверный. Близится ночь, и Номи опубликовала фото, где ты спишь на диване прямо в одежде.

Когда мама «больна». #похмелье

Я хотел бы, чтобы мне понравилась фотография, хотел бы смотреть на нее с любовью, но сейчас я не чувствую любви. Пальцы на ногах в огне, все мое тело в огне, а ты холодна, мертва для меня, для всего мира. Я делаю скриншот фо-

тографии и осматриваю каждый угол, каждый миллиметр. Я не вторгаюсь в твою личную жизнь, Мэри Кей. Публикую снимок, все мы понимаем, что подписчики будут пристально изучать его крупным планом. Я увеличиваю масштаб. Мое сердце колотится.

Семейка говноглазок выскакивает на улицу, никто со мной не здоровается (ДА КАТИСЬ ТЫ, СЕМЕЙКА!), а я не свожу глаз с телефона – какого дьявола, Мэри Кей? На столе бутылка из-под пива, при виде которой волдыри на ногах начинают болеть еще сильнее. Ты не пьешь пиво, не любишь его вкус, и Номи пить запрещаешь, а бутылка открыта и наполовину пуста. Чья она, Мэри Кей? Кто, черт возьми, пьет пиво у тебя дома? Пишу сообщение Гномусу.

Привет, Шеймус! Тренировка мне сегодня аукнулась. Может, по пиву?

В ожидании ответа хожу по тротуару. Пальцы на ногах никогда меня не простят.

Отставить, новобранец. Десятидневный сухой закон. Помни: внутренний голос, который говорит, что у тебя не получится, лжет.

Фу. Ненавижу качков, но пиво не Гномуса; тогда чье? Добираюсь до перекрестка; твой дом совсем близко, и если я пойду прямо и загляну в твое окно... Не могу. Я обещал хорошо себя вести, а быть хорошим – значит верить в тебя, в нас; к тому же это всего лишь одна бутылка пива. Тебе сегодня явно нездоровилось. Я ведь еще плохо тебя знаю, и

ты, возможно, выпиваешь полкружки пива, чтобы снять похмелье. А я иду домой и опять смотрю «Наследников»; ты не звонишь и не пишешь, зато Гномус атакует меня предложениями выпить пива на следующей неделе – благодаря телефонам, проще быть друзьями, даже не нужно с кем-то видеться, что и стало первой хорошей новостью за сегодня. И единственной.

* * *

Я справился. Пережил самый долгий, самый мозговышибательный день в году, и мой разум снова прояснился. Я спокоен. Не позволю какой-то глупой бутылке встать у нас на пути. Все, что имеет значение, – наш поцелуй, Мэри Кей. Ради меня ты нарушила правило. Ты клялась не иметь отношений с мужчинами, пока дочь живет с тобой, а для меня сделала исключение.

Знаешь что? Мне тоже не помешает сделать исключение.

Я ведь почти не гулял по нашему живописному острову. Ладно, в Форт-чертов-Уорд без тебя не поеду, так и быть. Когда только сюда прибыл, я пару раз выбирался в лес Гранд-Форест, но погода стояла слишком промозглая, чтобы проникнуться природными красотами.

Я завязываю шнурки на кроссовках (сегодня пальцы на ногах не будут меня ненавидеть), застегиваю ветровку, надеваю наушники (привет, Сэм Кук!), запираю дверь и делаю

то, чем местные слабоумные любители спорта занимаются каждый день, порой дважды, – выхожу на пробежку.

Мог бы побегать по одному из пляжей, однако берег каменистый и сплошь заставлен однотипными виллами. Или по тротуарам, только на кой мне тротуары, если есть настоящий лес? Не я проектировал застройку, Мэри Кей. Я не виноват, что ты живешь в новом районе. Я не виноват, что ты выбрала дом рядом с побережьем и что твой задний двор отделен от моря лишь пешеходной тропой шириной в полметра.

Это твой выбор, а не мой.

Приехав сюда, я тебя и знать не знал, и ты сама мне сказала, что живешь прямо за углом. Повторила раз десять, не солгала, и вот я здесь – не на твоей улице, а на тропе близ воды и Христа, Мэри Кей. Есть в этом что-то почти извращенное: в тропе, в тебе и твоих соседях по Уэсли-Лэндингу. Вы эдакие бесстрашные эксгибиционисты, да? Потому решили поселиться там, где уединение в принципе невозможно. У вас нет заборов, потому что они закрыли бы вид на каменистый берег, деревья и море, – я никогда не смог бы так жить.

А ты можешь.

Останавливаюсь и начинаю делать растяжку, разогревая мышцы, как и положено бегуну. Даешь здоровый образ жизни!

На краю твоей лужайки есть большой камень, на котором выгравировано название вашего квартала. Он шире, чем стволы местных деревьев, и идеально подходит для растяж-

ки. Я опираюсь одной ногой на камень, наклоняюсь, чувствуя, как напряглись икры, и тут, как назло, – удача в какой-то момент мне изменила – мой взгляд падает на твой двор. Чистое совпадение.

Стеклопанная раздвижная дверь открыта, ты сидишь на веранде с полупустой бутылкой диетической колы в руке. Видишь, Мэри Кей? Я тебе нужен. А вот чертовы заменители сахара – едва ли. Ты разговариваешь по телефону, наверняка с Меландой, а я выключаю Сэма Кука и снимаю наушники, как многие другие бегуны во время растяжки. Мне ничего не слышно, и, хоть я не специалист в ботанике, готов поклясться, что рядом со мной ядовитый плющ, поэтому я на всякий случай отхожу и становлюсь под деревом. Ты привыкла к тому, что по тропе постоянно ходят люди, и даже не оборачиваешься, когда листья шуршат у меня под ногами. Теперь я тебя слышу. Ты не знаешь, что приготовить на ужин. В холодильнике лежат стейки из лосося, но они замороженные – тебе нужна новая морозильная камера, хочешь посмотреть на мою? – и вот ты снова консультируешь Меланду. Не пиши ему. Ты все прекрасно знаешь. Если ты ему нравишься, он сам тебе напишет, а если нет – тем хуже для него. Она спорит (я ее не слышу и слышать не желаю), а Суриката на кухне хлопает дверцей шкафчика. Раздраженно. Ты просишь Меланду подождать и поворачиваешь голову.

– Номи, дорогая, ты будешь на ужин лосося?

– Когда это я хотела на ужин рыбу? Этому лососю уже

лет сто. И давай я сразу скажу: нет, я не хочу курицу по-мексикански.

Ты смеешься – тебе тоже надоела курица по-мексикански – и вздыхаешь. Быть мамой, готовить каждый день много лет подряд и устать от своей же любимой курицы – ох, понимаю...

Суриката хлопает другой дверцей.

– Может, на гриле что-нибудь пожарить?

– Почему бы и нет... А ты уже проголодалась?

Суриката пожимает плечами – мол, кому какое дело – и уходит в свою комнату, прихватив пакет чипсов. Ты снова подносишь к уху телефон, и я сочувствую Меланде – ведь у нее-то на ужин, наверное, безглютеновая пицца с цветной капустой.

– Извини, – говоришь ты, – я тебя слушаю.

Тебе приходит сообщение, ты его читаешь и тут же отправляешь ответ. Тебе пишет тот, кто пил пиво у тебя дома? Ты продолжаешь давать советы Меланде, а как же мы? Когда ты расскажешь подруге о лучшем в твоей жизни поцелуе? И кто, мать его, пил это гребаное пиво?

Молочная кислота уже растекается по моим остывшим мышцам, однако сердце мое горит, а ты вздрагиваешь и встаешь. Войдя в кухню, ты толкаешь раздвижную дверь, она поскрипывает (надо наведаться к тебе с банкой смазки), а я терпеть не могу тишину, поэтому опять надеваю наушники. Сэм Кук пытается меня утешить; впрочем, он зря стара-

ется. Сделав наклон вперед, я тянусь кончиками пальцев к носкам кроссовок, кровь приливает к голове, и хотя музыка заглушает шум окружающего мира, она не может заглушить тревожный сигнал, звенящий в моей лимбической системе. По рукам и ногам бегут мурашки, волосы на затылке встают дыбом, словно тысяча крошечных солдатиков. Бей или беги. Я медленно поднимаю голову – чутье меня не подвело. Я не один. Неприятель в метре от меня. Вооружен рюкзаком, смартфоном и двумя самыми опасными боевыми установками – глазами, следящими за мной из-под некрасивых круглых очков.

Это твоя дочь. Суриката.

В передачах про животных именно так и погибает лев. У него нет естественных врагов, и только назойливый человек, задавшийся целью нарушать законы природы, стреляет в короля джунглей.

– Вы же в курсе, что это мой дом? – спрашивает она.

Я закрываю глаза. Боже, прошу. Пожалуйста, не убивай меня сейчас.

Суриката застывает на месте. Никаких эмоций. Никаких движений.

– У вас все хорошо?

– Почти, – говорю я. – Мышцу свело.

Она кивает. Рассеянно. Хороший знак.

– Тут недавно один старик умер. Летом. Вроде от сердечного приступа.

Несмотря на слегка уязвленную гордость, я успокаиваюсь.

– Не такой уж я и старый.

– Ну извините, – отвечает она. – Я не в настроении, меня мама за углем отправила.

Ага, значит, ты переписывалась со своей Сурикатой...

– Пойдешь в супермаркет?

Она хмурится.

– У нас говорят не «в супермаркет», а «в супер». Господи, вы так и не освоились...

Прозвучало не слишком приветливо, но дети от взрослых ничем не отличаются. Дело всегда в них самих, а не в тебе. Она знает, что сказала грубость, и сжимает лямки рюкзака; я улыбаюсь. Прикольный Джо. Веселый Джо.

– Тогда я с тобой, – говорю. – Куплю витаминную воду.

Мы идем рядом, и это нормально. Так делают люди, когда сталкиваются на улице, и Суриката не испугалась, увидев меня, а навстречу нам трусит еще один бегун. Мол, привет, Номи, и она в ответ тоже обращается к нему по имени. Я вздрагиваю, когда из леса доносится лай, и Номи смеется.

– Это просто собака! Бойтесь собак?

– Нет. – Я еще не пришел в себя, однако нельзя подавать виду. Да, меня застигли врасплох. Но не поймали. – Я здесь не в своей тарелке. Вы-то привыкли к такой обстановке, а вот меня лес немного пугает.

Вспоминаю, как вел в лес мою Бек, пусть земля ей будет пухом, и поеживаюсь, а Суриката хмыкает.

– Ой, ладно вам, какой же это лес, – говорит она. – Вот рядом с моей прежней школой был настоящий лес. Знаете, когда училась в седьмом классе, я среди деревьев старый «Бьюик» нашла.

Я киваю.

– Круто.

– Ага, – поддакивает она, точь-в-точь как ты. – В машине валялись пустые бутылки из-под алкоголя. – Для своих лет она еще очень инфантильна. Из-под алкоголя... – А за год

до этого мы нашли большой заброшенный дом. Суперское место. Туда раньше выгоняли провинившихся мальчишек.

Я поднимаю брови, как и положено внимательному слушателю.

– Ого!

– Вот где действительно страшно. Поднимаешься на четвертый этаж и боишься, что дом рухнет, а там еще старые инвалидные коляски и паутина повсюду... Было круто. Хотя... неважно. Все крутое рано или поздно рушится.

– Это называется взросление. Знаешь, я болтал с местными стариками, по-настоящему старыми дедушками, и они говорят прямо как ты.

– Как я? Вряд ли.

– Поверь, Номи. Они вспоминают о том, как хорошо жилось раньше, как никто не запирал двери, как оставляли ключи в машине и не боялись угона, потому что сверчков и лягушек было больше, чем людей.

– Сомневаюсь.

– В том-то и дело. Каждое поколение считает себя лучшим.

– Но заброшенный дом для провинившихся мальчишек... Он и правда крутой. Он был местом, куда всегда можно прийти. А потом от него ничего не осталось. – Мы сторонимся, пропуская вперед группу велосипедистов. – А вы, значит, из Нью-Йорка?

Хороший знак, Мэри Кей. Номи демонстрирует социаль-

ные навыки!

– Ага. Совершенно другой мир. Например, там нет библиотек, похожих на здешнюю. Зато есть бомжи, наркоманы... Сейчас это звучит отталкивающе.

– По крайней мере, там реальный мир. А здесь сплошные подделки, одни подделки... – Она вцепляется в лямки своего рюкзака, и мне приятно, что я уже взрослый. Наверное, ужасно быть подростком и верить в существование места, где не всё вокруг сплошные подделки, одни подделки. – Извините. Я просто злюсь на маму. Перед Днем благодарения она всегда немного не в себе, но в этом году окончательно сошла с ума.

Сошла с ума от любви.

– Правда?

– Обычно мы оставались на праздники здесь, а теперь потащимся в Аризону, чтобы повидаться с моим папой.

Жаль, у меня нет лямок рюкзака, потому что я ошарашен. Спокойно, Джо.

– Ну, может, в Финиксе тебе понравится...

Она лишь хмыкает в ответ – мол, ну да, как же.

– А вы чем займетесь в дурацкий День благодарения?

Сборником эссе Франзена и пиццей из микроволновки.

– Сяду на паром и поеду на материк; хочу поработать волонтером в столовой для бездомных.

Суриката приветственно машет женщине, сгребавшей листья, та машет в ответ, – мы ведь нормальные. Это нор-

мально. А потом она, что называется, меня подловила.

– Вы же сказали, что ненавидите города. А здесь благотворительных столовых нет, вы же в курсе?

– Ненависть – слишком сильное слово, Номи. И в Бейнбридже мне нравится, но в такой день приятно помогать нуждающимся.

Номи смотрит вперед.

– Любовь никто не называет сильным словом.

Она под кайфом? Нет. Всего лишь передозировка стихов этого Клиболда и одиночество.

– Гм... Как думаешь, почему?

– Без разницы. Мама запретила мне говорить, что я ее ненавижу, а я ненавижу ее за то, что снова отобрала у меня книгу про «Колумбайн» со всеми записями, а еще за то, что тащит меня в Финикс. Тут кто угодно взвоет. И не надо мне заливать, что мама обо мне заботится. Неправда! Она лицемерка. Она бесится из-за «Колумбайна». Она бы радовалась, выбери я какой-нибудь дурацкий романчик про нянек. Уж простите, но «Колумбайн» вне конкуренции. Это лучшая книга в мире.

Я скучаю по временам, когда был подростком, по непоколебимой уверенности в том, что нашел нечто, придающее всему смысл. Ты хотела от меня проявлений сочувствия, поэтому я поддакиваю Номи – мол, я тоже люблю эту книгу. Она смотрит на меня. Недоверчивый взгляд Сурикаты. И неудивительно. Взрослые вечно врут. Но только не этот

взрослый!

– Ладно, – говорю я. – Мне запомнился эпизод, где рассказывается про Эрика и его условно-досрочное освобождение, как легко ему было убедить вроде бы умных взрослых в своей нормальности. Вот в чем проблема этой страны – система так называемой справедливости работает неэффективно.

Я хочу обсудить некомпетентность соцработников, однако Сурикате плевать на идиота Эрика, и поэтому у нее нет друзей: она не улавливает, когда собеседник хочет сменить тему. Она снова разглагольствует о стихах Дилана, и я вижу свой шанс протянуть ей руку помощи.

– Я тебя понимаю. – Первое правило беседы с ребенком. Нужно обозначить свои чувства. – И все же думаю, что твоя мама расстроена из-за... В общем, однажды я ходил к психотерапевту, и он сказал, что порой у нас дома заводятся тараканы.

– Вы что, неряха?

Я представляю, как она идет домой и сообщает тебе, что у меня тараканы.

– Нет. – Я мотаю головой. – Я использовал метафору. Тараканы символизируют то, что ты постоянно обдумываешь или делаешь.

– Ну да, а дом – это голова, бла-бла-бла.

– Знаю, звучит примитивно. На самом деле погружаться во что-то приятно. Но не всегда на пользу. Со мной так много раз бывало.

Номи молчит. Дети умеют отключаться и уходить в свои мысли, когда им хочется. Потом она смотрит на меня.

– И что было у вас?

Женщины. Кошмарные женщины из кошмарных городов.

– Ну, в детстве я любил фильм «Ханна и ее сестры»...

Номи морщится, и она, черт возьми, права. Меланда.

– Фу, – выдает она, – это же Вуди Аллен, он в списке НС у Меланды.

– То есть «не смотреть»?

– Ага. И он возглавляет список. Как вишенка на торте.

– Что ж, твоя наставница понимает в вишенках.

– Она мне скорее как тетя.

Меланда – таракан в моем доме.

– В общем, я хотел сказать... Этот фильм стал моим «Колумбайном», он изменил мою жизнь. Видишь ли, я жил в Нью-Йорке, но не в настоящем; я хотел жить в Нью-Йорке из фильма. Я украл кассету в видеопрокате и смотрел ее каждую свободную минуту.

Номи в ответ повторяет, что Вуди Аллен плох, как и его фильмы, а я не хочу еще раз облажаться, как тогда в кафе.

– Слушай, а Меланда считает нормальным, что ты читаешь стихи Дилана Клиболда?

Она запрокидывает голову и стонет от злости.

– Как можно сравнивать? Он же был моим ровесником.

– Хорошо... И все же согласишься, он совершал ужасные поступки. Объясни, почему в твоем увлечении нет ничего

странного.

Ни один ребенок не захочет участвовать в дебатах, и Номи снова издает стон.

– Да потому что!

– Знаешь, Номи, – я вспоминаю доктора Ники, – мы отклонились от темы. Я лишь хотел сказать, что тараканы в доме, какими бы они ни были, не всегда во благо.

– А вы правда читали «Колумбайн»? Всю книгу?

Я ведь не Бенджи, пусть земля ему будет пухом, я никогда не лгу о книгах, тем более – моей потенциальной падчерице.

– Ага.

– А вы читали в интернете дневники Дилана? – Дети так делают, особенно дети вроде Номи. Она выглядит младше своих лет, каждый день ходит в школу в этих нелепых очках и мечтает, чтобы какой-нибудь замкнутый мальчик или угрюмая девочка писали для нее стихи, прекрасно понимая, что ее желание не сбудется. Она ковыряет заусенец. – Вы знали, что он писал письма девушке, которую любил, и просил оставить в его шкафчике чистый лист бумаги, если она тоже его любит?

– Да, – говорю я. – Только письма он так ей и не отдал.

– Но ведь написал, – отвечает Номи. – Это трогательно. – Надеюсь, скоро сюда приедет какой-нибудь вихрастый студент с неровными зубами, перевернет ее мир и отвлечет от всяких глупостей. – Так или иначе, фильм Вуди Аллена я смотреть не собираюсь.

– Ладно, я переживу. Поступай как знаешь.

– Вам все равно?

Вопрос вызывает у меня смех; однажды я устроюсь в школу психологом.

– Слушай, Номи, все просто. Какое тебе дело, что думает Меланда? Какое тебе дело, что думаю я? Тебя должно волновать только то, что думаешь ты.

Она пинает камешек.

– Ну, завтра я фильм посмотреть не успею, у нас ведь дурацкий семейный ритуал...

Я не из вашей семьи, но все же часть вашей семьи, и я заставляю свой голос звучать ровно, будто спрашиваю дорогу у прохожего.

– И что за ритуалы у девочек Гилмор?

– Сначала мы заспимся. Провалиемся в кровати до одиннадцати, хотя накануне поклянемся встать в десять.

– А затем?

– Мы садимся на паром, гуляем и глазеем на безделушки.

– Безделушки.

– Еще мы заходим в книжные магазины и все такое, ну, вы знаете, как обычно бывает. Но в основном – безделушки.

У тебя весь стол заставлен этими безделушками, и я смеюсь.

– Ясно.

– Затем мы идем в ресторан, там длинная очередь, и мама слишком голодна, чтобы ждать. Я посоветую ей вписать нас

в лист ожидания, а она от меня отмахнется, и столик получат люди, которые пришли позже нас. И я скажу: «Вот видишь, мама?» – Ты утверждаешь, что проблема в Номи, она видит проблему в тебе, а мне не терпится стать частью вашей гребаной семейки. – Потом она захочет пиццы, потом лапши и скажет: «О, а давай пойдём в одно место, про которое мне Меланда говорила».

Я смеюсь.

– Знакомо.

– В общем, мы идем, а ресторан еще закрыт, ведь мама не догадалась посмотреть время работы в интернете, и мы просто шатаемся по улице голодные и глазеем на безделушки, а потом ей вдруг приспичит купить какую-то штучку, которую видела утром; она в панике, как бы кто-то ее не опередил, и мы мчимся в магазин, а той безделушки уже нет, и мама вся такая а-а-а-а...

А со мной ты всегда стараешься выглядеть спокойной, и я улыбаюсь.

– И что потом?

– Она не может решиться и купить какую-нибудь другую ерунду, ведь для этого нужна капля уверенности, и мы идем в кофейню, где мама разозлится, когда я достану из рюкзака книгу, как будто мы обязаны болтать без остановки. На самом деле ей и самой уже все надоело, она уткнется в свою книгу, а потом мы поедем домой. Вот такой у нас семейный ритуал. Конец.

Я аплодирую, Суриката хохочет, а затем, посерьезнев, превращается в юную версию тебя.

– Все не так глупо, как может показаться. Я преувеличила.

– Да, я знаю. Просто семья... это сложно.

– Так странно, ну, пытаться восстановить семейные узы, понимаете?

Понимаю. В памяти всплывает картинка: я сижу в тюрьме и пытаюсь полюбить Лав, – а Номи тем временем закончила беседу.

– Я пойду за кофе. До скорого.

Я машу ей вслед рукой.

– Передай маме привет.

Она слышала мою просьбу, но тут же отвлеклась, столкнувшись с моими говноглазыми соседями, так что едва ли Номи расскажет тебе о нашей замечательной прогулке. Она то и дело натывается на знакомых – так уж здесь все устроено – и злится, что ты забрала у нее «Колумбайн». Я захожу в супер; там шумно. Чувствую подъем. Я нарушил правила и был вознагражден вселенной, Мэри Кей, – ведь я узнал твои планы на завтра, и мне они нравятся.

Пришло время нам обзавестись чертовыми семейными узами.

Я знаю, жизнь отвратительна. И знал, что остров Бейнбридж не похож на Кедровую бухту. Я жду паром, а у парня передо мной на голове идиотская вязаная шапочка – не иначе как чей-то подарок – и на носу солнечные очки в желтой оправе. Тут же мельтешит его сын – копия Форти, только без конца шмыгающая носом, а рядом стоит его жена, которая наверняка и связала ту идиотскую шапочку и соврала мужу, что желтый ему к лицу. Она в пуховике, нюхает с недовольной физиономией свой кофе (молоко-то небось растительное), и они вместе, а я один, и это абсурд.

Впрочем, одиночеству скоро конец, так ведь? Так.

Я сажусь на десятичасовой паром, чтобы добраться до Сиэтла раньше вас, проявляя некоторую настойчивость, – аккуратно, Джозеф. Хочу сбежать от навязчивой семейки, которая не моя, и перехожу на левую часть палубы, оказываясь в толпе юристов на пенсии, мечтающих о том, чтобы сосед испортил им лужайку, ведь тогда будет чем заняться. Да, народ тут душевнейший. Если в свой день рождения заглянешь в полицейский участок, то получишь бесплатный пончик, даже не предъявляя паспорт, зато двадцать пять тысяч жителей едят свеклу, выращенную местными фермерами, и ездят на пароме в Сиэтл, образуя небольшие стайки челночников. Дебби Макомбер мне посочувствовала бы: я один в субботу,

среди зануд, рассуждающих о футболе. У меня своей стайки нет, но скоро появится, ведь я на пароме, и это прогресс; я надеваю наушники и поднимаюсь по лестнице, перешагивая через две ступеньки, на залитую солнцем верхнюю палубу. Свежий воздух мне помогает. Море тоже помогает, особенно вдали от бурной пены Малибу, и я сажусь на скамейку, но взгляд упирается в настенные часы, на которых висит лист бумаги с надписью «Мы сломаны».

Нахожу другую скамейку – нельзя падать духом в такой важный для нас день, Мэри Кей. Я не собираюсь мешать вам с дочерью или тебя «преследовать». Мой план прост. Сначала посвящу немного времени себе, позволю вам побыть вдвоем, не выпуская вас из виду; когда пойму, что вы друг от друга устали, я «случайно» с вами столкнусь – «Джо! Какой приятный сюрприз!» – и мы вернемся на остров вместе. Потом поужинаем у меня дома. Я купил стейки из лосося, и они точно не перемерзшие, как у тебя. До Дня благодарения еще пять дней – достаточно, чтобы отменить поездку в Финикс, а именно так ты и поступишь, как только поймешь: ты можешь встречаться со мной и оставаться хорошей матерью.

Я иду на корму к другому ряду скамеек и застегиваю куртку. Сейчас не очень холодно, но и жары тоже не предвидится; и я снимаю наушники, потому что здесь люди такие же одинокие и тактичные, как я сам. Никто не заставит соседа слушать телефонный разговор о суматошной и скучной жизни, а я не могу выбросить из головы те часы.

Мы сломаны...

Я проверяю «Инстаграм» Лав – нервничаю! – а там Форти кусает свою няню Трессу, которая заявляет, что мой сын похож на Адама, мать его, Левина¹², а Лав смеется, хотя тут не до смеха, и я ничего не могу поделать. Удаляю приложение ко всем чертям, кладу телефон в карман – и вдруг замираю. Моргаю. Хотел бы я так же легко удалить свое тело, потому что... Какого лешего, Мэри Кей?

Ты здесь. Вы с Номи сейчас на этом пароме, моем пароме, на который вы никак не должны были попасть. Вы в десяти метрах от меня, стоите, опершись на перила, и я срываюсь со скамейки, бегу в центр палубы, хватаю оставленную кем-то газету, чувствуя стук сердца в висках.

Успокойся, Джо. Всё как вчера. Если ты меня заметишь, ничего страшного не случится. Все нормально. Люди порой ездят в Сиэтл, а я – один из людей. Отгибаю верхний угол газеты; в этот момент тот, кто управляет паромом, решает отплыть от берега, и вот мы в пути.

Из огромной, бездонной сумки ты вынимаешь флисовую шапочку и предлагаешь ее Сурикате; та отказывается. Я вас не слышу, но вижу, как ты поднимаешь руки к небу – мол, господи, помоги, – Суриката дуется и смотрит на горизонт. Вам обеим сейчас нелегко, а я вчера посмотрел серию «Девочек Гилмор». Героини в такие моменты нуждались в по-

¹² Адам Ноа Левин (р. 1979) – американский певец, актер, вокалист и гитарист поп-рок-группы «Марун 5».

мощи Люка, и мне, может быть, стоит просто подойти к вам и спасти субботнее утро... Я проигрываю эту сценку в голове.

Джо, это ты?

Ого! Мэри Кей, вот так сюрприз! Не хочешь потрахаться в туалете?

Знаю. Это слишком. Да еще Суриката может проболтать-ся, что вчера рассказала мне о вашем ритуале. Думай, Джо, думай... Если б ты меня заметила, то подошла бы поздороваться. Так поступают друзья. Значит, моя маскировка еще работает, и ты меня не видишь (да здравствуют бумажные газеты!), а Суриката вдруг наклоняется над перилами.

– Хватит! – кричит она. – Если не отстанешь от меня, я прыгну, клянусь!

Ты отвечаешь ей, что это не смешно, она вопит, чтобы ты перестала над ней трястись, и я умиляюсь; я люблю нашу семью. И тут какой-то болван в футболке топает по лестнице и влезает в кадр, а Номи показывает на этого болвана так, будто его знает.

– Посмотри на папу, – говорит она. – Он вообще в шортах и футболке.

Папа – это айсберг, которого быть не должно. Папа ушел. Папы нет в твоём «Инстаграме», Номи никогда не произносила слово «папа», а наш корабль уходит под воду. Быстро.

– Привет, Фил, – говоришь ты. – Муж года, не попросишь ли дочь надеть шапку?

У папы даже имя есть – Фил, а я – Леонардо¹³ в ледяной воде, я обречен замерзнуть насмерть рядом с нашим кораблем. Мужчина, которого ты зовешь мужем (надеюсь, я сплю), успокаивает тебя, а наш корабль тонет, и мы тонем, а этот Фил выглядит как солист рок-н-рольной группы, и вы женаты. Мертвы.

Нет, Мэри Кей. Нет!

У тебя нет мужа (хотя он есть), и это не настоящий муж (хотя он настоящий), и он не Эдди Веддер, сейчас не девяносто седьмой, – так почему он сидит там, задрав ноги в «Мартенсах», вытирает потные ладони о футболку с «Мазер лав боун»¹⁴ и диктует черт знает что своему телефону? Он клюет тебя в щеку, и ты позволяешь ему себя поцеловать, – и балльный зал на корабле затоплен. Ты касаешься его лица... и ломаешь каждую кость в моем теле, извлекая из сумки свитер.

Он не возьмет свитер, иначе я не переживу. Не переживу. Женаты. Мертвы.

Вы, наверное, держите меня за дурака. Ни один «нафталин» не упомянул, и Меланда не обмолвилась, и Шеймус не сказал, и ваша маленькая стайка – сборище подлых лжецов, но я получил по заслугам, мистер Хороший Парень; нечего было надеяться, что чужаки выложат всю правду о тех, кого я люблю. Ты замужем. На самом деле. Он ноет о вашей по-

¹³ Имеется в виду роль Леонардо Ди Каприо в фильме «Титаник».

¹⁴ «Mother Love Bone» – американская рок-группа из Сиэтла, игравшая музыку в стиле гранж и глэм-рок (1988–1990).

ездке в Финикс, он спит с тобой в одной постели, и мы сегодня не сможем повеселиться как семья, ведь твоя гребаная семья – это он. Не я.

Женаты. Мертвы.

Он держит пакет с чипсами, Номи хлопает в ладоши, а я фотографирую этого ублюдка – на ноге у него татуировка, надпись черными буквами: «Сакрифил». Я помню такую группу, одну из многих в девяностые, которые «не-со-всем-“Нирвана”», но КАКОГО ЧЕРТА Я НЕ «ПОГУГЛИЛ» ТЕБЯ В ПЕРВЫЙ ЖЕ ДЕНЬ?

Твой муж – фанат-переросток в грязных шортах-карго, с дурацкими татуировками и огромным пакетом чипсов – возник словно третьесортный фокусник (ненавижу фокусы, и его ненавижу, а хуже всего то, что теперь я ненавижу тебя, Мэри Кей). Ты мне солгала. Тебе нужны чипсы от Филадельфии, ты машешь ему, и я вспоминаю туалет в пабе, где ты была моей, где ты меня целовала. Он кидает тебе чипсы, и ты ловишь пакет, словно букетик невесты на свадебном банкете.

Женаты. Мертвы.

Вот почему ты сбежала, вот почему мы захлебываемся под водой, и Номи кричит во все горло:

– Папа! Иди сюда, посмотри!

Твой муж – айсберг, и я больше не вынесу. Всю жизнь одно и то же. Все, что должно мне принадлежать, у меня отняли. Потеряв сына, я старался быть порядочным. Хорошим. Пытался забыть все стихи Шеллы Силверстайна, выученные

наизусть за время заключения, пока думал, что стану отцом, – а теперь ты делаешь то же самое. Ты украла мой шанс на семью, и я не могу простить тебя, как не могу забыть долбаные стихи. Ты использовала меня, Мэри Кей. Лав украла моего сына, но ты украла мое достоинство, мое самоуважение, и надо было мне влезть в твой дом еще в день знакомства.

Теперь все встало на свои места. Тогда в кафе ты не подтрунивала надо мной. Ты нанесла упреждающий удар, верно? Опасалась, как бы кто-то из друзей не проболтался о твоём муже. Вот почему ты так воровато оглядывалась во время нашего свидания в пабе. Боялась, что нас застукают. Ты – коварная женщина. Не носишь обручальное кольцо и при этом критикуешь свою мать за симуляцию развода – а отношения с Филом ты как, черт тебя дерит, называешь?

Тебя не смущает, что муж вырядился в подростка, – видимо, кормильцем считаешься ты; ну и ладно. Я никогда не спрашивал напрямую, замужем ли ты, но лишь потому, что ты мой начальник. Ну ладно, с твоей стороны было бы самонадеянно объявить мимоходом о своем семейном положении (а вот мужу книга Лизы Таддео понравилась!) – это явно не в твоём стиле. Впрочем, кого мы, черт возьми, обманываем?

Твой муж книгу Лизы Таддео никогда даже в руки не взял бы. Вряд ли он читает хотя бы новости. Знаешь, а ведь ты права, Мэри Кей. Мы видим лишь то, что хотим видеть, а я

кое-чего видеть не хотел. Так же, как не хотел верить, что Лав способна украсть моего ребенка.

Вцепляюсь в ограждение. Нет, корабль еще не затонул. Да, ты замужем, но будь твой брак счастливым, ты бы ко мне так не тянулась. Я еще могу нас спасти. Я ищу тебя в интернете (это следовало сделать еще пару недель назад) – и вот ты, Мэри Кей Димарко и... О боже, нет. Твой муж не фанат этой дурацкой группы. Он вокалист этой дурацкой группы, и даже «Гугл» знает его имя, потому что Фил Димарко – тот самый парень, который спел ту самую песню.

Ты акула в моей акуле, ты мой второй ряд зубов, я за тебя умереть готов.

Умереть готов сейчас только я, потому что ты красуешься на обложке альбома, и мы с тобой тонем, наш корабль идет ко дну. Это твои ноги в черных колготках, и я не знаю более шокирующих разоблачений. Он – папа! Он – муж! Он бывшая рок-звезда!

Пристань все ближе, и я не боюсь твоего мужа. Ты была его музой, а не моей. Я уважаю тебя как личность. Ну ладно, когда-то он отхватил крошечный кусочек известности, но сейчас его можно загадывать на «Кто хочет стать миллионером?», и никто не ответит на такой вопрос. И лучше я буду твоим «рабочим» мужем, чем таким, о котором тебе в компании даже и упомянуть стыдно.

Он подходит к тебе и обнимает, и снова ко мне подступает ледяная вода, однако я буду сопротивляться. Я не замерз-

ну насмерть. Ты говоришь ему надеть свитер (как похоже на тебя), и моя голова вот-вот взорвется. Женаты. Мертвы. Как долго ты планировала водить меня за нос, Мэри Кей?

Паром замедляет ход, а ты роешься в сумке; держу пари, ты поступила со мной так не от хорошей жизни. Номи стала для тебя единственным «большим подарком» судьбы, и до моего появления ты жила лишь ради дочери. Ты вышла замуж за музыканта – уверен, поначалу ты его даже любила. Тебе нравилось дарить ему вдохновение, быть в центре внимания (все-таки твои ноги оказались на обложке музыкального альбома) – но все меняется. Ты так и не поняла, почему твоя мать не бросила отца. Рассуждаешь о фиктивных разводах. Вот почему ты остаешься в клетке с Филом. Ты не знаешь, как бросить эту крысу.

Никто из твоего семейства не голоден, а ты все равно шарить рукой в сумке. Вдруг вынимаешь книгу Ани Кац – которую рекомендовал тебе я! – и замираешь. Думаешь обо мне. Хочешь меня. Потом засовываешь книгу обратно в сумку, а я чувствую вину за то, что ты, наверное, постоянно беспокоишься, как бы книга не выпала из сумки, как бы я не узнал о тебе правду, как бы Фил не пронюхал обо мне.

– Эмми, ну хватит уже, – стонет твоя крыса. – Никто не умирает с голоду.

– погоди, – отвечаешь ты. – Я знаю, у меня есть шоколадка. Она где-то здесь.

Мы с тобой одинаковые, правда? Жертвуем своими чув-

ствами и желаниями ради любимых. Суриката раздражена – «да проехали, мам!», а Фил безразличен – «Эм, я пообедаю с Фредди». А ты продолжаешь искать, полная решимости позаботиться о семье, наконец поиски увенчались успехом, и ты размахиваешь в воздухе батончиком «Марс».

– Нашла!

Невозможно не влюбиться в тебя сейчас, когда на твоём лице чистая радость победы. Тырываешь обертку шоколадки, которая действительно была в сумке, и ты – женщина, придумавшая бордель «Сочувствие». Ты беспокоишься обо всех, включая мужа-крысу. Ты разламываешь батончик пополам, и я люблю тебя за каждую мелочь, за удовольствие, с которым ты даришь удовольствие другим. Впрочем, между беззаветной преданностью и самоунижением весьма тонкая грань: ты отдаешь половину шоколадки Номи, вторую половину Филу, а что остается тебе?

Мы причаливаем, я держусь в стороне и пропускаю вас вперед; вы направляетесь к мосту в сторону города, а я медленно спускаюсь по трапу. Вижу, как Фил машет на прощание вам с Сурикатой; конечно, эта крыса цепляется за тебя (ну а кто смог бы с тобой расстаться?), и ты не в состоянии его бросить. Он безмерно жалок, надевая шорты, чтобы продемонстрировать татуировку с названием собственной группы. Ты остаешься с ним, иначе Фил потерпел бы фиаско не только в качестве рок-звезды, но и мужа.

А я такого не ожидал.

Переехав сюда, я размяк, старался быть хорошим, как будто возможно всегда вести себя хорошо. Жизнь – сложная штука. Мораль еще сложнее. Если б не нарушил правила, едва ли я бы вообще здесь оказался.

Меня заносит в ресторан, явно рассчитанный на туристов (вот почему я предпочитаю жить в маленьком городе), я заказываю чашку кофе и берусь за дело. Закат славы у группы твоего муженька случился давно, однако он «работает» по ночам, ведя собственное радишоу под названием «Блюзо-Филия» (тьфу!), и коль уж он не спит ночами, не сомневаюсь, что секса у вас тоже давно не было.

На самом деле он нисколько о тебе не заботится. Живет ради своих фанатов – они зовут себя филистимлянами – и призывает эту кучку жалких неудачников ждать возвращения группы «Сакрифил». Наш мир – отстой (у Филя есть фанаты), и твоя жизнь – отстой (у Филя есть ты), хотя в закрытом помещении, наедине с собой, я не так уж сильно страдаю. Я рад, что правда всплыла на поверхность. Мы не подростки, любовные треугольники меня не привлекают, причем совсем, и я ведь из Нью-Йорка, Мэри Кей. На крыс я насмотрелся. Ничего личного. Я их не то чтобы ненавижу. Но крысы переносят заразу, и тебе повезло, что я умею от них избавляться.

Захожу на канал крысы в «Ю-тьюб». Я слышал только песню про акулу, единственный хит «Сакрифил». Настало время изучить остальное, каждую ноту, имеющую отношение

к твоей истории. Первая запись вверху страницы длится десять минут и тридцать две секунды – хоть перерыв на обед будет? – и называется «Побег мертвеца». Ох, Фил, друг мой, можешь не сомневаться: пробил твой час...

В школе у меня был одноклассник, которого звали Алан Бугсид. Естественно, все дразнили его Аланом Пукситом. Он обладал внушительными размерами и еще прихрамывал – что-то с костями или суставами. Каждый день ходил в футбольных майках и мечтал стать защитником в «Джайентс»¹⁵. Только вот жизнь плевать хотела на мечты, и даже тогда, в шестом классе, я знал, что бедняга Алан Пуксит будет работать в магазинчике спортивных товаров «У Дика» в Нью-Джерси (и оказался прав!), а пару лет назад бедняга и вовсе отдал концы, пока дрочил в подвале дома своей матери.

Твой муж напомнил мне Алана, Мэри Кей. Последние тридцать шесть часов я изучал все, что удалось найти о Филе Димарко. Я прошерстил все соцсети. Посмотрел каждое древнее интервью для телевидения, где он расхваливает парней из своей группы. Покопался в архивах «БлюзоФилии» и зашел в его «Твиттер»: он не понимает, как ставить хештеги, поэтому пишет «Всем мир#» в конце каждого твита, а большая часть его подписчиков – стареющие шлюхи-наркоманки (да простят меня шлюхи и наркоманки), которые отмечают его на фотографиях своих новых имплантов, а Фил

¹⁵ «Нью-Йорк джайентс» – профессиональный футбольный клуб (американский футбол), выступающий в Национальной футбольной лиге.

иногда лайкает эти снимки, – интересно, ты в курсе? Или тебе уже давно наплевать?

Как и Алан Бугсид, Фил не откажется от мечты. Как и Алану Бугсиду, Филу следовало бы умереть. Он не работает. Он получает жалкие гроши за свое радиошоу в кладбищенскую смену (и то лишь благодаря рекламным роликам) пять ночей в неделю; хорошо, я признаю, что ему достаются неплохие отчисления за авторские права (одна из его любимых тем для беседы со слушателями), но с каждым годом их все меньше. Пожалуй, немногое в мире выглядит трагичнее, чем мужчина, одержимый стремлением быть тем, кем он стать попросту не может. Ты наверняка ждала, что появятся новые «акулы», однако Фил, как это часто бывает с музыкантами, тут же выпал из обоймы.

Его слава длилась лишь секунду. А слава ядовита.

Слава рок-звезды особенно токсична. Она словно капля пищевого красителя, и одной капли – одной невинной голодной акулы – достаточно, чтобы прозрачная вода навсегда осталась красной. Каждый альбом «Сакрифил» оказывался слабее предыдущего, Мэри Кей, словно книги Эдгара Аллана По, и твой муж борется с собственным умиранием каждую ночь, подначивая в прямом эфире своих филистимлян, вяло бунтуя против индустрии и благодаря тебя за спасение жизни (правда, при этом подспудно обвиняя в том, что ты его приручила). Он отлично играет роль непризнанного гения, который отказался от занятий искусством и посвятил

себя отцовству. На самом же деле Фил – неудачник. Музыканты в его группе меняются со скоростью звука, и будь он управляющим в какой-нибудь пончиковой, его уже уволили бы за неумение работать в команде.

Я включаю в машине обогреватель. Сегодня холодно, а я припарковался около студии звукозаписи твоей крысы. Я изменил наши правила, и новые правила предназначены для того, чтобы их нарушать. Я захватил пару ножей для разделки мяса, которые рекламирует Рейчел Рэй¹⁶, – надеюсь, безвременная кончина Филадельфии не испортит репутацию Бейнбриджа как безопасного местечка. Фил достаточно известен, чтобы привлечь внимание всяких ненормальных, и когда рано утром его тело обнаружит какой-нибудь бегун, все решат, будто он пал жертвой сумасшедшего филистимлянина, – кармическая расплата за долгие годы близкого общения с поклонниками, следящими за кумиром в «Твиттере». Копы могут еще предположить, что у Филадельфии пошла не по плану очередная покупка наркотиков, – я узнал, что он как раз пытался завязать. Послушав каждую написанную им песню, с сожалением заявляю: чувства к тебе – ничто по сравнению с его истинной любовью к героину.

Я все знаю, Мэри Кей. Знаю, что вам пришлось несколько лет назад «затянуть пояса» – чертовы семейные узы! – и переехать в домишко, который Фил называл своей конурой.

¹⁶ Рейчел Рэй (р. 1968) – американская телеведущая, бизнесвумен, знаменитая повар и писатель.

Он довольно забавный, не могу не признать, а из моих уст это высшая похвала! Словно он возглавлял по меньшей мере «Лед зеппелин» и заслуживает роскошный замок, а ведь Фил написал одну-единственную песню, известную лишь немногим фанатам с хорошей памятью. Я так счастлив, что ничем не знаменит! И теперь смотрю на тебя совершенно по-новому.

Вы с Филом начали встречаться в старших классах. Он пел в группе. Ты не смогла устоять.

В колледже ты забеременела. Он подсел на наркоту и сочинил свои лучшие песни.

Ты была его музой, а когда магия исчезла, он тебя же и винил.

Ты его мать. Его нянька. Его опора.

Однако сегодня я тебя освобожу.

Сейчас четыре часа утра, Филу ужасно одиноко (ох, как бы ему не понравилось такое описание!), и мне нужно выбраться из машины, войти в здание и покончить с ним раз и навсегда. Я сжимаю рукоять ножа.

Прибавляю громкости лебединой песне Филадельфии (прости, друг), – и я, судя по всему, вовремя, Мэри Кей. Бедняга сегодня совершенно слетел с катушек, разглагольствуя о счастливчике Курте Кобейне.

Его рот, как обычно, слишком близко к микрофону.

– Что тут сказать... – Его голос уже не тот, что раньше. – «Нирвана» стала «Нирваной», потому что Кортни уби-

ла Курта. А когда ты остался в живых, как я... Понимаете, мы поклоняемся мертвым. Ставим их на пьедестал. Музыка звучит гораздо лучше, если певец уже уснул вечным сном, а таких очень много... Ты умираешь, тебя нет рядом, чтобы почувствовать любовь, – и тогда любовь приходит.

Он рассуждает так, будто Курт Кобейн не прославился до своей смерти. Может, мне и не придется убивать Фила; может, сейчас сюда примчится разъяренная толпа... Я не свожу глаз с зеркала заднего вида. Ни души. И уж тем более никакой разъяренной толпы. Я один из десяти или, так и быть, двенадцати слушателей в столь поздний (или уже ранний) час.

– Нет, ребят, – продолжает Фил, – я не озлоблен... – О да, ты озлоблен. – Но однажды ночью мы играли джем-сейшн с Крисом¹⁷... – Ну конечно. Проверить-то невозможно, ведь Крис Корнелл мертв. – И он сыграл вариацию на мой рифф... Скажем так, вскоре я услышал этот рифф в его песне «Black Hole Sun»...

Я стискиваю нож, потому что нельзя дурно отзываться о мертвых, но тут он рычит:

– Заткнись, Фил! Не будь ты плаксивой девчонкой! – Слышно, как он открывает банку пива. – Все дело в том, что я рылом не вышел, а будь я хоть немного похож на смазливового Эрика Клэптона... – О нет, началось. – Вы видели о нем

¹⁷ Кристофер Джон Корнелл (1964–2017) – американский музыкант, певец и автор песен; фронтмен группы «Саундгарден».

последние новости? Я прочел днем, еще в полусне... – Ну и мужа ты себе выбрала, Мэри Кей! – Черт, Клэптон столько лет строил из себя пай-мальчика... – Правда. – Хотя на сцену мог выйти пьяным и вести себя отвратительно. Еще ухлестывал за девушкой лучшего друга... Разве фанаты его возненавидели? Не-а. Сколько ни старался, он не смог закончить свою «Лейлу», а вот Дуэйн, мать его, Оллмэн буквально ворвался в ад на белом коне, поэтому у нас есть его «Bell Bottom Blues». Некоторые ребята и впрямь заслуживают преданности поклонников. Что касается меня... Ну, мне никогда никто не помогал... – О господи. – Крис даже близко не подходил, пока я пытался закончить «Ужасные двойки»...

Я прокручиваю страницу «Википедии»: вот он, третий альбом «Ужасные двойки». Не используй слово «ужасный» в заголовке, Фил. Сам же даешь критикам основу для каламбуров.

Пока он анализирует причины своих музыкальных неудач (о счастливом браке не поноешь), я возвращаюсь к одному из моих любимых интервью Фила. Номи было два года. Фил в очередной раз вышел из реабилитационного центра, отказавшись от «розовой ваты» (кстати, метафору он украл у Эрика, мать его, Клэптона). В общем, Фил сравнил тебя со своей гитарой (а ведь ты не инструмент) и заявил, что сможет оставаться в завязке всю оставшуюся жизнь, если сможет играть на тебе каждый день. Репортер передал тебе его

слова, и ты ответила: «Как муза, я ждала иного... Но что поделать?»

Слова измученной женщины, загнанной в ловушку. Тогда я прочитал текст песни «Водяной матрас», четвертой в альбоме «Стоны и крики».

Я дал то, что ты хотела, – водяной матрас,
У меня морская болезнь, не пора ли вернуть должок?
Зачем снимать, если ты их все равно не отдашь?
Зачем вставать, если мне все равно мало?

Ты была ему не музой. Ты была девочкой для битья, и теперь тебе стыдно, правда? Это ошибки молодости, Мэри Кей. Я их тоже совершал (привет ныне покойной Кейденс), но я хотя бы ни на одной не женился. Знаю-знаю, ты ждала ребенка, а Фил в молодости тоже писал длинные письма о том, как сильно боится обязательств. Тем не менее я снова делаю радио громче, а он, снова покопавшись в своем нафталиновом прошлом, устроил себе панихиду и включил песню «Острая шестерка».

Ну же, решайся, пора.
Увидев кольцо, она перестает вопить.
Алчная девка... Знаю, ты хочешь.
Мы в каждом газетном киоске...

Лето приходит как пожар и вскоре уходит.

Куда она уехала, ты не знаешь,
И ее тело... Знаю, ты хочешь,
Но сейчас ее нет рядом.

Тревога разбудит ровно в шесть:
Ты просто очередной Том или Дик,
И твой хребет... Он сломан,
Она сожгла твой фитиль...

Ты очнешься в ящике, и ты будешь мертв,
А она – в твоей постели.
Рядом ствол... Барабан револьвера...
Запомни... лето...

Веселью конец...
Ствол револьвера... (повтор 10 раз)

Песня заканчивается, и Фил хихикает.

– Слушайте, я под кайфом был, или что? – говорит он.

Хорошо, что ему стыдно за свои тексты. И все же он продолжает включать эту песню. Эдди Веддер давно похоронил бы такие сексистские, отвратительные слова, но Фил – не Эдди Веддер, и его самый отвратительный альбом вместе с тем и самый популярный.

– Что ж, филистимляне, пора мне опорожнить свой бурдюк.

Он врет, в туалет ему не нужно. Фил приоткрывает окно, закуривает сигарету (спору на что угодно, в студии курить

нельзя) и пялится на здание напротив, а его плей-лист – не более чем промывание мозгов. Он ставит свою никчемную группу «Сакрифил» между «Мадхани» и «Мелвинс», пытаюсь убедить нас, слушателей, что Фил с друзьями могут сравниться с легендами рока, будто мы, слушатели, беспросветные тупицы.

– Ну вот, Фил вернулся, – говорит он. – Надо сказать, каждый раз, когда слышу «Акулу», с благодарностью вспоминаю своих девочек. Вы знаете, без них я никто. Черт, иногда я думаю: а если б Эмми не забеременела, если б моя дочь и моя «Акула» не появились бы на свет?

Он тебя вроде как «любит», а ты его – нет. Когда любишь кого-то, готов кричать об этом с окрестных крыш, а ты даже кольцо не носишь, и Суриката об отце не вспоминает. Твои друзья не спрашивают, как у него дела. Ты думаешь, что, оставив мужа, ты его убьешь, вытолкнешь из машины на полном ходу: так ты и попала в созависимость от насилия. А он вздыхает:

– Что ж, филистимляне, вот вам забавный факт... – Ага, еще одна выдумка. – Когда я впервые сыграл «Акулу» для Курта, он заправил волосы за ухо и сказал, что был бы рад написать такое. У меня даже мурашки по коже полезли, ребята. – ЧУШЬ! ТЫ ЛЖЕЦ! ПОКОЙНЫЙ КУРТ НИКОГДА ТАКОГО НЕ СКАЗАЛ БЫ. – Может, поэтому моя «Акула» до сих пор горит так ярко, и, вы уж простите, я сегодня настроен на лирический лад... – О господи. – Я знаю, что

Курт – наш бог. Вы знаете, что Курт – наш бог. Он влюбился в Кортни, а я – в свою девушку... Да-да, я еще здесь. И во мне еще живет «Акула». Вы знаете. И я знаю. Мир вам, филистимляне, завтра я опять ворвусь в эфир.

Он включает «Акулу» в конце каждого гребаного шоу, и мне даже неловко, что песня мне нравится. Любить в ней вроде бы нечего: мотив на басу, два аккорда, заунывный колокольчик и рыдания юного Филадельфия, голос которого еще не испортили сигареты, – и все же он поет тебе, мне и всем на планете.

Ты акула в моей акуле, ты мой второй ряд зубов,
Розы не зацвели, в венках прячутся шипы,
Ты колотишь в мою дверь, ты кричишь и кричишь:
«Впусти меня, запри меня, я принадлежу тебе...»
Съешь меня, кусай меня, убей меня, прокляни меня,
Твое тело призывает меня, твой огонь зажигает меня,
Но почему ты обжигает? Всею виной твои игры.
Ты злишься и прячешься, запираешь меня в этой клетке,
И мне здесь не вздохнуть, не пошевелиться, я умираю...
Ведь я акула в твоей акуле, я твой второй ряд зубов...

Я выключаю звук, но не могу удержаться. Я должен закончить. Должен дослушать припев.

Ты акула в моей акуле, а я акула в твоей акуле,
Ты – это я, а я – это ты. Куда нам деваться?
Ты – это я, а я – это ты.

Ты скрипишь зубами, я тебя кормлю...

Тебя и семя твое...

Хочешь, приду к тебе во сне?

Любишь меня, когда я чист?

Слышишь меня, когда я...

(дзинь)

...АКУЛА!

Мешанина двусмысленных фраз, будто написанных по учебнику «Стихосложение для чайников». Зато Фил догадался вставить в конце припева колокольчик, а ты, держу пари, знала, что песня прогремит на весь мир. Любуюсь твоими ногами на его альбоме. Ты хочешь внушить мне, что остаешься с Филом ради Номи, но теперь, изучив твою крысу, я все понял. Тебе нравится быть музой. Ты по-прежнему каждый день носишь такие колготки, и вся его музыка исходит от тебя. Мне бы хоть разок влюбиться в того, кто не страдает нарциссизмом, да уже поздно. Я влюблен в тебя. Я не могу перечеркнуть его успех, зато могу взять в руки нож.

Твоя крыса выключает в студии свет, спускается по лестнице – и вот он, в десятке метров от меня, на тротуаре. Встанет, прислонившись к стене, как на обложке своего сингла, позирует перед несуществующей камерой и зажигает очередную «Мальборо Рэд», как будто он не меньше чем Джеймс, мать его, Дин, как будто вот-вот из тени хлынет толпа восторженных филистимлян, набравшихся смелости подойти к своему кумиру. Он выпускает кольца дыма и смотрит, как

они растворяются в галогеновом свете, а я не умею пускать кольца дыма. Тебе такое нравится, Мэри Кей? Нравится такая ерунда?

Я прячу Рейчел в рукаве, я готов, но тут он вынимает туз из рукава. Его телефон звонит, он отвечает, и это ты.

– Эмми, детка, что случилось? – говорит Фил. – Почему ты не спишь?

Я позволяю ножу выскользнуть из рукава. Ты не спишь. Ты слушала. Я не зову тебя Эмми, а он повторяет слишком часто (Эмми-Эмми-Эмми), говорит, что сегодня хорошо выспался (ленивый ублюдок) и что будет писать до рассвета (иди к черту, Фил), а потом домой. Клянется, что соберет свои шмотки для Финикса (лжец), и бросает сигарету в лужу.

– Всего лишь две пачки в день, Эмми. Теперь ты хочешь, чтобы я на неделю бросил работу ради твоего отца? Ты хочешь выбить меня из колеи? Ты этого хочешь?

Я не знаю, что ты ему отвечаешь. Он тоже не знает, потому что держит телефон на вытянутой руке. Впрочем, что-то он все же слышит, так как делает глубокий вдох и прерывает тебя:

– Эмми, Эмми, Эмми. Успокойся. В девятимиллионный раз повторяю... это шоу. Спектакль. Лейблу нравится моя позиция, а друзья Номи... Радио не их формат. Перестань тревожиться о том, что подумают другие. – Хотел бы я тебя слышать... – Эмми, ей наплевать, и если я сказал, что поеду в Финикс, то я поеду. Снова все как ты хочешь, детка!..

Да что с тобой творится в последнее время? Что? – Это из-за меня. Это все я! – Господи, женщина, я отменяю целую неделю радиошоу, а ты все равно недовольна... Черт возьми, что еще тебе от меня нужно? – Ты, наверное, плачешь. Или извиняешься. Он потирает лоб. – Эмми. Детка, не надо. Не говори так. Ты же знаешь, я тоже тебя люблю.

Меня прошибает холодный пот. Теперь бросает в жар. Нет.

Фил садится в свой драндулет и включает одну из своих никому не известных песенок, а я отпускаю нож. «Я тоже тебя люблю» означает, что ты сказала ему... Я завожу двигатель, врубаю на полную громкость Принса, хотя «When You Were Mine» не может заглушить акулу внутри моей акулы.

Ты любишь его. Любишь.

Позорно ретируюсь домой – барабан револьвера, веселью конец – и заталкиваю Рейчел в бардачок. Это хуже, чем покойная Бек и покойный Бенджи. У них-то хоть не было ребенка и двадцати лет брака. Надо все продумать. Да, я хочу устранить Фила. Тем не менее загвоздка в тебе, Мэри Кей. В твоём примитивном, подростковом, полном материнской заботы, саморазрушительном, в корне неправильном, созависимом отношении к Филу. Ты действительно любишь мужа. Я могу убрать его с дороги, но это опасно. Положение может даже ухудшиться. Мне нужна помощь. «Привет, Сири, как убить любовь?» Шучу, конечно. Откуда ей знать? Никто не знает. Надо разобраться самому, в одиночку, пока вы буде-

те в Финиксе резать индюшек и укреплять трухлявые семейные узы.

Отправляюсь в забегаловку с мексиканской кухней. Я могу получить все, что хочу, но сейчас я хочу лишь тебя, поэтому придется действовать не торопясь.

С чертовым Днем благодарения меня.

Самое... отвратительное время года – гребаная середина декабря, и мы застряли. Как выяснилось, у тебя обязательства не только по отношению к мужу. Ты еще несешь ответственность за своего отца. Ты хотела пробыть в Финиксе всего неделю, но сразу после Дня благодарения твой отец упал с лестницы. «Нафталин» по имени Хоуи осведомлен о твоём отце лучше меня (надо это исправить), и он сообщил мне, что у твоего отца рассекающий остеохондрит, то есть в переводе на человеческий язык – дырка в кости. Будучи хорошей дочерью, ты посадила свою крысу и Сурику в самолет, а сама осталась, чтобы помочь отцу переехать в новый дом, хотя ухаживать за пожилыми – труд неблагодарный. Я не то чтобы против помощи старикам, но от боли страдает не только твой отец. У меня рассекающий кардиохондрит, Мэри Кей: ты не звонишь. Почти не ешь. Время летит, ноябрь сменился декабрем – и вот я выхожу на улицу, а говноглазая Нэнси уже прибывает к двери венка¹⁸. Она не машет мне, и я не машу, и КОГДА ТЫ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ВЕРНЕШЬСЯ ДОМОЙ, МЭРИ КЕЙ?

Я был хорошим. Не тронул Фила. Я «поработал» со своим отношением к чужой личной жизни. Дал тебе «простран-

¹⁸ Имеется в виду традиционный рождественский венок.

ство». Отвечая на твои редкие сообщения, я не спрашиваю, когда ты приедешь. Один раз я все же рискнул, но твой ответ меня только взбесил. «Надеюсь, что скоро».

Скоро. ЧЕРТ ТЕБЯ ДЕРИ, МЭРИ КЕЙ.

Я ничего не понимаю в отношениях на расстоянии. Смотрю на сообщение, которое отправил тебе вчера вечером.

Как делишки?

Знаю, хуже и придумать невозможно. У тебя никакие не «делишки», и вопрос сам по себе глупый, и чужое нытье тебе сейчас совершенно ни к чему. Я насыпаю в миску рисовые подушечки, пытаюсь читать газету, но плохих новостей мне уже хватит. Захожу в «Инстаграм» Лав – игра в «Вынужденный праздничный мазохизм» – и смотрю, как сын размахивает дурацким пластиковым мечом, однако и это не помогает, так что я встаю. Надеваю твой любимый кашемировый свитер, и мы со свитером выходим на улицу и садимся в ледяную машину. Муж Нэнси тоже сидит в их «Лендровере» – прогревает его для жены, как обычно. Я машу ему рукой, он делает вид, что не замечает (и тебя с Рождеством, засранец), а Нэнси выплывает из дома. Она разговаривает по телефону: «Да, мама, нам просто нужно сделать семейное древо для электронной открытки», – и я чувствую себя человеческой версией идиотской электронной открытки, годной разве что для электронного мусорного ведра. Нэнси забирается в нагретый салон своей красивой машины; она любит своего мужа, а он любит ее (наверное), хотя он для нее инструмент.

И она для него инструмент. Зато они есть друг у друга, а ты даже не ответишь мне, как твои делишки.

Я выезжаю, и на песне «Holly Jolly Christmas» уменьшаю громкость радио, потому что ты ни разу не позвонила мне за время отсутствия. Для друзей это, видимо, лишнее. Готов поспорить, своему мужу-крысе ты звонишь... И тут мой телефон загудел. Читаешь мои мысли? Нет. Не читаешь. Это всего лишь Гномус. Хочет снова попить вместе пива – мол, в одном баре не будет всей этой праздничной мишуры, – но я не буду тратить на него еще один вечер. Он ни черта о тебе не знает (еще один твой друг) и хочет только понять о том, сколько подарков надо купить девчонкам.

На полпути к библиотеке я притормаживаю (ежедневные разочарования меня все равно дождутся) и проверяю твой «Инстаграм» – ничего. Тогда я перехожу в более хлебное место, которым, как ни странно, стал для меня «Твиттер» твоего муженька. Его посты вселяют в меня надежду. Помогают ждать. Благодаря им я пережил первую неделю твоего отъезда, потому что он все время скулил о том... как тяжело быть с тобой.

Эй, @АэропортСитак, если я сорвусь, виноват будешь ты и рождественские песенки. Всем мир#

День благодарения – противоположность рок-н-ролла. Всем мир#

Привет, Финикс. Курить не запрещено законом. Смирись. Всем мир#

Мой куратор выбрал неподходящий день, чтобы потерять телефон. В законе#

Жена выпустила меня из клетки. Зацените меня в @медныйблюз, если хотите послушать НАСТОЯЩУЮ музыку. Даю автографы на сиськах и футболках. Поправка: только на футболках, дамы. ПолучилНагоняй# Всем мир#

Фил – грустный осел, а я должен сохранять позитивный настрой. Ты, Мэри Кей, наверняка обрадовалась, что получила передышку в общении с Филом. Он как раскрытая книга. Хвастался своим выступлением, и оно, видимо, провалилось, потому что в «Твиттере» нет ни одной фотографии с поклонниками, не говоря уж об автографах на сиськах. Кроме того, твоя крыса не засветилась на ваших с Сурикатой рождественских постановочных снимках. Впрочем, тут ничего нового. Крыса не появляется на твоих фотографиях – скорее всего, хочет, чтобы люди запомнили молодого Филя. Как бы ты ни порицала наркотики, жить под кайфом Филу очень шло, и я понимаю, почему он с самого возвращения из Финикса ностальгирует по своему девяносто седьмому (Машина времени#.) Худым, как шпала, и под героином он был лучшей версией себя; и Фил – не Джордж Клуни, Мэри Кей, с возрастом не похорошеет.

Кто-то сигналил позади меня, и я машу рукой в окно в знак извинения, а из радио льется «My Sweet Lord», когда я въезжаю на парковку... Аллилуйя, мать твою! Ты здесь. На мне твой любимый свитер (о да!), и я так поспешно вы-

скакиваю из машины, что поскользнулась на черном льду. Дыши, Джо, дыши. Нельзя умирать, только не сейчас, пока мы не освятили Красное Ложе (хо-хо-хо!), поэтому я шагаю осторожно, захожу в библиотеку, а ты загорелая, щеки стали круглее, и ты мне нравишься. Сытая. Бронзовая. Рядом.

Я машу тебе. Это нормально.

– С возвращением!

Ты поднимаешь руку. Окоченевший робот. Как будто я не касался твоего лимончика.

– Привет, Джо. Надеюсь, хорошо провел выходные? Долги уже в «Исторических книгах», и нам нужна поддержка.

Это всё? Всё, что я заслужил?

Да. Да, это всё. Ты снова прячешься за монитором, а я по твоему приказу бреду в «Исторические» и беспокоюсь о тебе, Мэри Кей.

Муженек поймал тебя на том, что ты с тоской читаешь тексты песен Брюса Спрингстина, которые я выложил и которые ты лайкнула в 2:14 ночи по времени Финикса? Знаю, ты не можешь меня обнять, но вот же я. И вот ты. Разве тебе не интересно, как у меня дела?

День пролетает незаметно, скоро перерыв, а ты ешь в своем кабинете с Уитни и Эдди. Там должен быть я – мне нужно наверстывать, напоминать тебе, как здорово нам вместе, – однако наседать я не могу. Нельзя забывать, что тебе неделями не давали уединиться. Ты тонула в домашних делах и тревоге о поступлении Номи в колледж (она больше всего хо-

чет в Нью-Йоркский университет – спасибо, «Инстаграм»!), а еще играла роль послушной дочери. Виноват не я. Просто тебе нужно восполнить упущенное время.

Я решаю поест в саду, потому что там холодно, но не так, как в Нью-Йорке, – и тут наконец приходишь ты, поеживаясь. Без пальто.

– Ты не замерз?

Я торопливо проглатываю кусок говядины.

– Нет, – говорю. – Слушай, как у тебя дела? Как твой папа?

Сейчас отличный момент, чтобы рассказать о кое-каком другом папе, но ты этого не делаешь.

– Папе намного лучше, спасибо. Прямо гора с плеч... Ну, по крайней мере, мы успели повеселиться в День благодарения, прежде чем он упал... – Нисколько вы не веселились, Мэри Кей. На семейных снимках вы с Сурикатой как марионетки, прячущие за спинами оружие. Ты интересуешься, будто я какой-нибудь «нафталин»: – А как ты провел праздники? Хорошо?

Хуже всего в праздниках то, что потом люди начинают их обсуждать. И потом, ты же знаешь, чем я занимался в День благодарения. Ты видела мои фотографии. Ты их лайкнула. Я наблюдаю за тобой, ты наблюдаешь за мной, и правила нашей игры мне понятны. Я получил разрешение снять с тебя маску.

– Ну, как ты могла понять по «Инстаграму», в основном я наслаждался компанией книг, то есть праздники удались

на славу.

Ты разглядываешь свои колени.

– Я рассказала о тебе отцу.

Я откладываю вилку. Ты любишь меня, и гораздо больше, чем месяц назад.

– Правда?

– Да... Не помню, чтобы мы когда-либо проводили столько времени вместе. Я все думала, что вы бы с ним поладили.

Ты скучала по мне, и я улыбаюсь.

– Я рад, что он идет на поправку. Почитал о рассекающем остеохондрите. Судя по всему, не слишком приятная история.

Какой же я чертовски хороший парень! Не говорю о себе, а только слушаю, как ты говоришь о всяких хондритах. Затем ты касаешься своих волос. Хочешь поговорить обо мне.

– Тебе понравился бы мой отец, Джо. Он живет в стиле ретро, одержим книгами, книги Тома Клэнси стоят в алфавитном порядке. Он вытирает с них пыль раз в неделю. Я раньше этого не знала. И все думала, что ты пришел бы в восторг.

Я сочувствую тебе, Мэри Кей. Думаю, ты настрадалась. Целую неделю вынуждена была притворяться счастливой женушкой. Потом играть в медсестру. Ты справилась с переездом, но как? Мечтала обо мне. Запоминала разные истории, чтобы теперь вывалить их на меня, и я даже рад, что ты не ответила на мое дурацкое сообщение. Иногда любишь так

сильно, что не можешь удовольствоваться ни звуком, ни текстом, – нужны именно такие моменты. Один на двоих воздух. Спокойствие любовного уюта. Твое молчание налито тяжестью невысказанных желаний: ты хочешь, чтобы в следующей поездке я был рядом. Мне нравится, что ты меня любишь. Нравится, что вышла на холод ради этой беседы и что мы принадлежим друг другу, вот только... Женаты. Мертвы.

Я закрываю крышку контейнера с говядиной и брокколи.

– Слушай, ты не возражаешь, если я сегодня уйду пораньше? – говорю.

Приятно наблюдать, как ты борешься с пустотой внутри тела.

– У тебя большие планы на вечер?

Я вспоминаю первый твит Филадельфии сегодня:

Рождественские огни. Зачем? Нет. Разве мы не выше этого? Еще не январь# Всем мир#

– Ну, я еще в прошлом месяце заказал гирлянды. – Это не ложь. Всего лишь полуправда. – Стыдно признаться, но я люблю украшать дом гирляндами. – Я анти-Фил, и я твой огонек.

– Это здорово.

– Огоньков много не бывает, верно?

Ты сжимаешь бумажный стаканчик. Знаю, тяжело быть с неподходящим человеком, когда находишь того самого, единственного.

Я заезжаю в магазин за гирляндами, и удача на моей сто-

роне (а не на стороне Шеймуса!), а придя домой, обнаруживаю на крыльце коробку. У меня повышается уровень серотонина в крови – ведь и Джефф Безос¹⁹, весьма богатый человек, знает, как все мы любим получать подарки, даже если сами их себе дарим.

Я развешиваю гирлянды (выкуси, Фил!) и захожу в дом, в «Комнату шепота». Открываю подарок самому себе, хотя на самом деле он и для тебя тоже: «Базовый текст», шестое издание, автор – «Анонимные наркоманы».

Я читаю библию Филадельфии по той же причине, по которой ты начала смотреть «Кедровую бухту» после нашего первого телефонного разговора. Ты желала узнать, кто я такой. Хотела найти со мной общий язык. Я не нуждаюсь в дурацкой книжке о самопомощи, Мэри Кей, но сделаю все возможное, чтобы ты последовала зову сердца и положила конец своему мертвому браку. Сейчас время для добрых дел, и я посвящаю свое время тебе. Нам.

* * *

Хочу написать доктору Ники и посоветовать ему «Базовый текст»: книга заставила меня понять, что у нас было об-

¹⁹ Джефффри Престон «Джефф» Безос (р. 1964) – американский предприниматель, основатель интернет-компании «Амазон», основатель и владелец аэрокосмической компании «Блю ориджин», владелец издательского дома «Вашингтон пост».

щего в прошлом, – зависимость от токсичных женщин.

Я не спал всю ночь, глаза налились кровью и опухли (идеально), и я натягиваю старый свитер. К счастью для меня, твой муж любит твитнуть о собраниях анонимных наркоманов, и вот я здесь, на парковке у здания. Встречусь с твоим мужем, притворюсь наркоманом и суперфанатом его группы. В теории мой план куда как прост: подружиться с ним, подшучивать над его попытками написать еще одну «Акулу», заставить его скатиться на дно и предать все, что написано в наркоманской библии. Я проберусь к нему в голову, и когда он войдет в режим чудовища по имени Я-мог-бы-и-стал-бы-великим-если-б-не-чертова-семья, у тебя, Мэри Кей, не будет другого выбора, кроме как расторгнуть свой поддельный брак. Если хорошенько постараюсь, Фил и сам осознает, каким никчемным мужем и отцом он был.

Он же гребаная рок-звезда, мать его.

И ты почувствуешь себя вправе его бросить. Хотя если ничего не выйдет... Я поджигаю еще одну «Мальборо Рэд» и хожу взад-вперед, как наркоман перед первым собранием. План рискованный. Может случиться так, что ты узнаешь о моем спектакле, но, в конце концов, не я это начал, Мэри Кей. Ты скрывала от меня мужа, а лучшие рождественские подарки никогда не достаются легко. Когда (и если) судьба сведет нас в одной комнате, я скажу тебе правду: я пошел на собрание по той же причине, по которой туда ходят многие люди, ни разу не принимавшие наркотики, – приближались

праздники. Я был одинок.

Сейчас нужно сосредоточиться на своей миссии, как отец, который колесит по городу в поисках очередной дурацкой модной игрушки. Слышу музыку «Сакрифил» вдалеке – это он. На стоянку вкатывается драндулет Фила, а он сидит, покачивая головой в такт собственной песне. Я делаю вдох. Я смогу. Рождество – время чудес и преобразений (привет, я Джей, подсел на героин), Фил выходит из машины, а я мысленно пробегаюсь по истории Джея: травмировал спину в автомобильной аварии, выписали оксикодон, подсел на окси, попробовал героин, потому что он дешевле, и вчера... Ладно, всю историю я сегодня выкладывать не буду (в данном случае чем меньше информации, тем лучше), однако хороший актер не жалеет сил на подготовку, и в «Базовом тексте» есть хороший совет для всех – найти новые площадки для игр. Найти новые игрушки.

А вот и моя игрушка, еще более раздобревшая и загорелая со времени поездки в Финикс. Я замираю, словно изумленный фанат, и пялюсь на него, словно стараюсь не пялиться. Это же Фил Димарко! Смотри, он открывает дверь! Звезды, черт возьми, такие же люди, как мы! Он скрывается в здании, я выкашливаю эту ерунду из легких и поглаживаю свитер цвета моли. Я попал в точку. Я вхожу.

Моя новая площадка для игр меньше, чем я ожидал: есть две богатые дамы (одна предпочитает ликер «Калуа», другая – викодин), пара зажиточных стариков, оказавшихся

здесь по решению суда, и трое подростков, тоже не по своей воле. Дружелюбная женщина за тридцать выбирает пончик с глазурью.

– Привет, – говорит она. – Бывали раньше на собраниях?

– Нет, – отвечаю я. – А вы?

Она ухмыляется. На ее пальце два обручальных кольца с бриллиантами (о боже); она кивает твоему мужу, стоящему в другом конце комнаты, такому же самодовольному живьем, как и по радио. В ответ он показывает на свое свежевыбритое лицо, смеясь над собственной тупой шуткой.

– Видишь, чувак? Бороду сбрил – теперь все равно что голый!

– Спасибо за предупреждение, – говорит женщина с двумя кольцами. – Некоторые любят почесать языками. Очень. Зато здесь, по крайней мере, не скучно.

Вскоре мы рассаживаемся на стульях, и крыса так близко, что во мне просыпается дух Рождества (самое прекрасное время года!). Я представляюсь (голос дрожит, но это нормально), и никто не вытягивает из меня подноготную.

Хорошо.

Миссис Калуа рассказывает о том, как любит «Калуа» и как нелегко ей ходить на рождественские вечеринки, а принцесса Викодин жалуется на эгоистичную дочь. Наконец руку поднимает крыса.

– Можно я встану?

Он потирает затылок и делает долгую, мучительно дол-

гую, как десятимесячная беременность, паузу; я стараюсь не представлять тебя на нем, пока длится его самодовольное молчание.

– Итак, жена вернулась. Ее не было со Дня благодарения, и казалось, она уехала навсегда. – Черт, а это даже интересно. Мне выпал шанс услышать версию истории, которую не знаешь даже ты. – И мы, похоже, вернулись к тому, что было в Финиксе. А там мне приходилось несладко. Номер один вошла в раж, ребята. – Знаю, имен называть нельзя. И все же ты серьезно, Фил? Номер один? – А мы с Номером Два... не знали куда деться. – Номером два он зовет Номи, а ведь Номи не какая-то вещь. – Номер один наседала на Вторую из-за книжки, которую та читает... – Брось, Фил, книга «Колумбайн», мог бы и запомнить. – А еще пилила меня из-за курева. – Курево! – Не буду убеждать вас, что сигареты полезны, но знаете, что еще совершенно не полезно? Когда вас изводят.

Я принимаюсь аплодировать – и тут же осекаюсь. Верный поклонник. Преданный фанат. Фил подмигивает: спасибо, мол, чувак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.